

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН

ВИХРИ ПЕРЕМЕН

Александр Лапин
Вихри перемен
Серия «Русский крест», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607100
Вихри перемен / Александр Лапин.: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2018-8

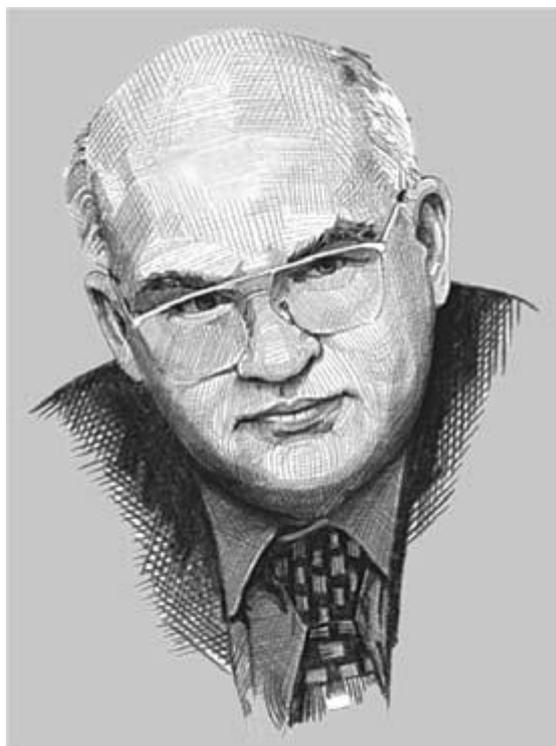
Аннотация

«Вихри перемен» – продолжение уже полюбившейся читателям трилогии: «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», объединенной под общим названием – «Русский крест». В романе прослеживается судьба четырех школьных друзей и их близких, которым выпало быть свидетелями и участниками эпохальных событий, происходивших в нашей стране на стыке двух веков. Впервые мы знакомимся с героями романа в конце 70-х. В книге «Вихри перемен» повзрослевшие, возмужавшие герои вступают вместе со страной в начало 90-х. У каждого из них своя судьба, а вместе – это судьба поколения. В книге есть все атрибуты того времени: путч, развал СССР, коммерциализация государственных предприятий, эмиграция, тотальный дефицит, зарождающаяся олигархия и бандитские разборки. Это было время, когда вихри перемен коснулись каждого.

Содержание

Часть I	6
I	6
II	9
III	15
IV	19
V	22
Часть II	26
I	27
II	29
III	36
IV	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

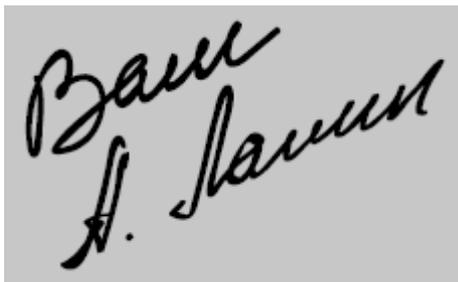
Александр Алексеевич Лапин Вихри перемен

«Вихри перемен» – продолжение ранее вышедших романов «Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», объединенных под общим названием – «Русский крест». В этом большом произведении, которое я пишу уже много лет, я пытаюсь осмыслить не столько личный опыт и собственные переживания, а те события, которые кардинально повлияли на судьбу моего поколения. Проследить, как, следуя за внешними факторами, меняются взгляды, убеждения, характеры людей, как экстремальные условия становятся лакмусовой бумагой, проявляющей истинное лицо человека.

Мои герои в новой книге уже не юноши «со взором горящим», это взрослые мужчины, которым предстоит решать недетские проблемы. Четверка школьных друзей задумывалась мной как собирательные образы советского человека, каждый из них по-разному реагирует на изменившиеся условия жизни в новой стране, а вместе они своего рода лицо моего поколения, которому довелось жить буквально на сломе эпох. Мы не выбрали время, оно выбрало нас.

Рушилась страна. Менялась жизнь. Наступило жестокое время больших надежд и трудных решений. Но люди продолжали любить, верить, надеяться... Об этом и многом другом четвертая книга романа «Русский крест».

Ваш
А. Лапин

Часть I Всплывающая Атлантида

I

Вихри враждебные веют над нами...

«Варшавянка» (пролетарский гимн)

*Не дай вам бог жить в эпоху перемен.
«И-Цзин» (китайская «Книга перемен»)*

Было это давно. Жил на земле Иов. Благочестивый, богобоязненный, порядочный мужик. Бог любил его. И ставил в пример другим.

Это сильно не нравилось дьяволу. И тот стал искушать Господа. Иов, мол, тебя оттого почитает, что ты ему хорошую жизнь устроил. И стада у него тучные. И дети на загляденье. А стоит его слегка прищемить, он совсем другое запоеет.

Бог, конечно, не поверил. Но решил все-таки поиспытывать Иова.

И началось. Напали на стада разбойники. Скот угнали. Охрану перебили.

А Иов и в ус не дует. Все равно молится. И Бога почитает, хвалу ему возносит.

Но дьявол не успокоился. «Это так! Не испытание – мелочь. Вот, если дело дойдет до крайности, тогда он вззоет».

Налетел ветер. Рухнул дом Иова. И задавил его детей...

Но Иов человек верный. Сдюжил и это.

– Дети померли, – говорит сатана. – Дело житейское, особенно в наши времена. А вот, если он сам будет мучиться, тогда и отречется.

Заболел Иов. Покрылся язвами. И коростюю. До крайности дошел.

Но от Господа Бога не отрекся. Только молился. Смиренно и истово.

Бог его не покинул. Вернул свою милость.

С тех далеких времен и повелось. Дьявол постоянно искушает людей. Ищет в душе народной червоточину. Испытывает веру на прочность.

В прошлом веке дошла очередь и до России. Сыны дьявола заморочили русские головы обещанием построить «рай на земле». Но за это потребовали душу народа.

Что из этого получилось, мы теперь знаем. Пережили и мор, и глад, и лагеря смерти.

А над душою народной как только бесы не изгалялись. Корежили ее, ломали, гнули, дрянью всякой забивали.

Чтоб совсем уж убить...

А не удалось.

II

Электричка дернулась. И остановилась. Незакрепленный народ горохом посыпался в проходе. Пожилой усатый работяга в прорезиненном плаще первым открыл дискуссию:

– Наверное, что-то с рельсом случилось. Эк-ка поезд экстренно затормозил! – предположил он.

Толстая тетка в вязаной кофте с корзиной на коленях, в которой видно было пестреньких котят, выглянула в окошко и заметила:

– Могёт быть! Ишь, вон двое бегут через пути к нам. В форме...

И сразу весь переполненный вагон утренней «колбасной электрички», дотоле мирно читавшей и дремавшей в тишине, заговорил, загалдел:

– Позавчера тоже простояли так два часа!..

– И третьего дня!

– Вообще, железная дорога охамела окончательно, – солидно подвел черту дядечка в очках и шляпе, читавший свежий выпуск «Комсомольской правды». – Вот в газете пишут: график нарушается каждый день.

– Все перестройка эта довела, – откликнулся работяга, смешно шлепая губами под моржовыми усами. – Только болтать горазды. Все по-новому, по-новому. Вот оно как по-новому и выходит.

И пестрый народ, заготовленный разнообразными сумками, рюкзаками и разного рода мешкотарой, согласно и бодро принялся ругать перестройку и ее инициатора, виноватого в том, что и в Москве теперь не купишь нужного провианта.

– Довели страну! – визгливо солировала в дружном хоре накрашенная бабуся с буклями, видимо, бывшая жэковская активистка. – Сказано в Писании: «Придет царь Михаил меченый. И будет великий разор».

– А все потому, что он Раиску свою слушает. Таскает ее всюду за собой. А она там, за границами, так всех деньгами и засыпает. Туда миллион даст! Сюда миллион отвалит! – поддержала разговор толстуха с котятами. И шмыгнув носом, добавила: – Почему и нету теперь колбасы хорошей в Москве. Всю негры поели...

Галинка Шушункина и вся их дружина во главе с женщиной-богатырем – тетей Шурой помалкивают. Чё попусту языком трепать. И так все видно невооруженным глазом. Пустые прилавки магазинов говорят сами за себя. Но в Москве еще кое-что остается. И каждую неделю их контора по старой советской памяти снаряжает гонца за продуктами в столицу. Теперь вот ее очередь настала. Закупаться по длинному списку, собранному женщинами их отдела.

Электричка еще раз дергается. И медленно плывет к столице. Дискуссия постепенно сворачивается. Народ готовится к выходу на перрон.

Тетя Шура, могучая, широченная в плечах, поднимается со скамейки первая и командует:

– Галя! Таня! Вы за мной держитесь! Не отставайте ни на шаг. Помните – Москва она бьет с носка. – И вдруг ее озабоченное круглое лицо с выщипанными бровями и напряженным ртом умильно заулыбалось. – У-у, какие мы! – она гладит рыжего котенка, взобравшегося на край корзинки. А потом с ходу добавляет: – Пошли!

Операция началась. Они бодро вылетели из дверей электрички на засыпанный мусором перрон. И след в след за теткой-ледоколом понеслись к виднеющемуся вдали вокзалу.

Два замызганных мента, стороживших добычу на выходе с перрона, равнодушно скользнули по ним взглядом. Что с них взять? Впереди, как танк, тетка богатырь в китайском пуховике с огромными еще пустыми баулами. Слева – хрупкая невысокая девушка в дутой

куртке и алой шапочке, глаза большие, красивые. Справа – длинноногая девчонка подросток в потертой шубке и сапогах на платформе.

Проскочили первый заслон. И вышли на привокзальную площадь.

Тут народ с электрички встречается следующая группа по интересам. Целый выводок разноцветных цыганок в пестрых юбках и кожаных куртках сверху. Смуглолицые, черноволосые, они принимаются цепляться к добыче.

– Эй, молодая! – окликает Галинку пожилая неопрятная рома в солдатском длинном бушлате, из-под которого выглядывает цветастая юбка. – Позолоти ручку. Я тебе всю правду расскажу!

А сама шарит по ней глазами. И тянет коричневую, окольцованную золотыми перстнями руку все ближе и ближе.

Галинка боком-боком старательно обходит эту стаю цыганок, стараясь, как учили, не ввязываться с ними ни в какие разговоры-переговоры...

А Танька-пигалица попадает. Её, как вороны голубицу, окружают молодые цыганки. И начинают обрабатывать, затягивая, как в сети, в хитрый разговор о жизни и любви...

Однако не на тех они напали. Галинка уже знала, что бывает со слишком общительными молодайками. Через несколько минут они останутся, как общипанные курицы. Без денег и без украшений.

Но еще лучше, чем она, знает это тетя Шура. Цыганки просчитались. Она, как бульдозер, врзалась в стаю, окружившую Таньку. И расталкивая по ходу могучими плечами молодых рома, буквально выхватила оторопевшую девку из рук золотозубых, черноволосых, шумных восточных красавиц.

Взяла за руку и потащила за собою – в одной руке огромная сумка, в другой Танька, которая по ходу действия еще что-то лопочет в свое оправдание:

– Она мне правду сказала! Про мою жизнь! Она мне сказала: «Я знаю, что ты потеряла свою первую любовь!» И откуда она знает? А, тетя Шура? Ну откуда?

Но тетя Шура, не останавливаясь и не оборачиваясь, отрывисто чеканит:

– Все мы потеряли свою первую любовь. Они это знают... На этом и цепляют дурочек вроде тебя. А потом ты потеряешь невинность... И они тебе это тоже припомнят...

Но дискутировать некогда. Впереди замаячили группки наперсточников. Как саперы мины, они расставили свои ловушки.

Эти берут в оборот другим. Ловят лохов с электричек на жадности и азарте.

Тетя Шура и девушки быстро проскочили мимо. Но дальше начали тормозить.

Пошел блошиный рынок. Бабульки разложили на бетонных парапетах и в ящичках свои овощи-цветочки. Какие-то черные, как грачи, люди торгуют разноцветными пакетами. Бродяги толкают всякое старье. Нищие тусуются с табличками в руках и, завидев их, принимаются гнусавить: «Сами мы не местные...»

Но уже недалеко вход в метро. И они снова устремились вперед.

Уже через несколько секунд наша троица уперлась в берег человеческого потока, устремившегося к горловине тоннеля.

Урча и поскрипывая, металлическая лента эскалатора торопливо перерабатывает толпу провинциальных мешочников.

Навстречу им из небытия возникают и проплывают мимо вверх лица из другого встречного человеческого потока. А механический голос из динамика подбадривает всех и строго убеждает в том, что надо стоять справа, держаться за резиновые черные поручни и пропускать тех, кто торопится и бежит сломя голову по самодвижущейся лестнице вниз.

– Ну вот, девчонки! Давайте так! – командует уже на платформе тетя Шура. – Сначала двинем в «Елисейский» за продуктами. Там даже сейчас еще можно успеть занять очередь. До открытия. А потом пойдем по «золотому треугольнику».

Галинка не стала спрашивать, что такое «золотой треугольник». Она уже знала, что так женщины с «колбасных электричек» называют связку главных магазинов столицы: ГУМ, ЦУМ, «Детский мир» и окружающие их стихийные рынки, на которых можно купить все.

Она только подумала, что обход надо начинать с «Детского мира», так как ей жена брата заказала сапожки младшему на зиму. Но дискутировать некогда.

– Вы только от меня не отставайте! – добавляет атаманша. И устремляется к переднему вагону, где народу всегда поменьше.

Дальше стремительный бросок поезда от станции к станции. Чудовищная давка, в которой Галинку прижимают прямо к противоположной двери вагона.

И, наконец, длинные переходы по подземным галереям.

В этом путешествии по подземному миру, плывя в потоке людей, она так и не успела толком разглядеть прославленных красот Московского метрополитена. И в памяти ее фрагментарно запечатлелись то скульптуры бородатых партизан на «Белорусской», то медные чеканки на «Пушкинской». Да еще люстры неизвестно где. И главное – толпы разнообразных человеческих особей, несущихся в разных направлениях...

* * *

...Ошибочка вышла в расчетах. Они не успели к открытию. И хвост очереди в «Елисеевский» гастроном уже стоял на бывшей Тверской, растянувшись метров на двести. Они сначала уткнулись, а потом пристроились в этот хвост. И тетя Шура, тронув за рукав, торопливо спросила стоявшую в очереди женщину:

– А что дают?

Вполне обеспеченная, судя по модной дубленке и сапогам, молодая москвичка метнула в них острый взгляд и раздраженно ответила:

– Ничего не дают! Очередь при входе... Понаехали тут... Москва вам резиновая, что ли?.. – и отвернувшись, зло поджав накрашенные модной помадой тонкие губы.

Тулячки прижухли от неласкового приема. А «хвост» уже теперь за ними все рос и удлинялся.

Галинка думала, неторопливо продвигаясь ко входу в магазин, о том, что очередь – это такое естественное состояние женщины: «Для многих из нас тут целая жизнь. Своя жизнь. Все успевают обсудить. Тут же перекусывают. Очередь – она везде. Есть очереди видные и простые, как эта. А есть очереди невидимые, в которых надо стоять всю жизнь. На квартиру, на машину, на мебель. На путевку в санаторий. Хорошо хоть на кладбище нет. Хотя... К мавзолею, где лежит Ильич, тоже есть очередь...»

Она быстро оборвала эти мысли. Потому что даже про себя она не могла покуситься на святое. Но мысли назойливо лезли в голову. Вспомнилась книга профессора Збарского, который бальзамировал тело Ленина. И описал это в ней. Книжку принес откуда-то из сарая Влад. И потом долго перечитывал по вечерам...

Впереди началось какое-то брожение. Пошел шепот по толпе:

– Кажется, запускают?

– Запускают!

– Ура! Запускают!

Все начали дружно напирать друг на друга и подтягиваться вперед. Она мысленно поделила очередь на куски: «Только бы успеть. Успеть попасть хоть вот с этой группой. Ведь пока мы тут стоим, там могут все разобрать!»

Впереди у недалекого, но такого желанного входа вскипал, вспухал крик:

– Куда без очереди?! Не подпускай! Держи их, гадов!

Галинка поднялась на носочки. И через ряды бесконечных спин в шубах и шапках увидела, как у входа, работая изо всех сил локтями, пытаются влиться в толпу и прошмыгнуть в двери магазина два юрких, носатых, черноволосых человечка. Но их отталкивают локтями крепкие русские бабы, видимо тоже приезжие. При этом женщины не забывают двигаться всей своей плотной шубно-ваатиновой пальтовой массой вперед ко входу.

Неожиданно впереди из очереди выскакивают несколько молодых мужиков. Они налетают сбоку прямо на носатых бесшапочных людей. Рвут их за куртки, выталкивают к сугробу. И уже там, прямо в сугробе, в грязном снегу «замешивают» кавказцев ногами.

Вдруг интеллигентная дамочка, стоящая перед тулячками, выскакивает из очереди. Подбегает к этой куче и бьет лежащего несколько раз прямо по засыпанному снегом лицу своей сумочкой:

– Так их!

– Так их сволочей!

– Черномазых! – одобрительно гудит очередь.

– Учи их, Петровна!

– Пусть валят к себе! На Кавказ! – кричит молодой разгоряченный расправой курносый парень, возвращаясь на свое место в очередь.

– Скупают тут все, а потом перепродают, – говорит тетя Шура.

«Что ж это творится на свете такое!» – испуганно думает Галинка, прижимая к себе сумочку. А очередь уже несет ее вперед, как весенний поток какого-нибудь зазевавшегося муравьишку, нисколько не обращая внимания на все его потуги бороться с течением.

Над входом в магазин висит кованный из металла козырек. Рядом стоят такие же красивые урны. И само здание старинное, с лепниной.

А у горловины дверей маячат два советских милиционера в бушлатах и с рацией. Регулируют.

– Давай! Давай!

– Оп! – милиционер опускает руку, отсекая очередной кусок толпы. Оставшиеся нетерпеливо переминаются с ноги на ногу. Ждут команду. Опять:

– Давай! Давай!

Еще рывок. Пару толчков под бока. И людская река, преодолев узкий дверной проем, втекает в вестибюль. И уже внутри «пещеры Али-Бабы» растекается ручейками по залам.

– Галя! Ты давай занимай очередь в кондитерский. А ты, Танюша, дуй в бакалею. Там, похоже, индийский чай дают. Я беру на себя колбасы. Как очередь подходить будет – зовите меня. Вперед, девчонки!

Тетя Шура командует ими, не переводя дыхания, как настоящий полководец. Четко и решительно.

Внутри магазина есть свои очереди. Теперь уже в отделы. И покупатели действуют по давно уже отработанной схеме. Работают, кооперируясь, группами. Женщины овладели искусством борьбы за выживание вполне. Но сейчас настали такие трудные времена, что и такая их «боевая мобильная группа» может вернуться с пустыми руками. Голодно и зло шумит великий город.

Они становятся в указанные тетей Шурой очереди. Стоят, отдыхают. Здесь порядка больше, чем на входе. В каждой очереди есть старший. Он мусолит свой синий химический карандаш. И рисует у Галки на ладони номер. Девяносто шестой.

Теперь надо ждать. Очередь потихоньку движется, змеей вьется между отделами, хвостом соприкасается с другими.

Магазин не слишком большой. На такое количество народа не рассчитан.

Люди возбужденно переговариваются. В основном вспоминают о том, что директора этого магазина недавно приговорили к смертной казни.

– Так им и надо, торгашам проклятым! – то и дело слышит Галка реплики со всех сторон.

– Сидят на дефиците, жируют!

Ноги постепенно наливаются тяжестью. Но Галка держится стойко. Как оловянный солдатик на посту. Она сильная, молодая. А тут полно пожилых. И старушек. «Каково-то им стоять?» – думает она, прислушиваясь к немудреному женскому разговору впереди:

– Моя невестка вчера в «Детском мире» взяла сапожки, очень приличные, – говорит женщина с изможденным лицом и в ветхой шубейке своей визави в рыжей турецкой дубленке и синей шапочке.

– Да?! А я тоже ищу внучке обувку. На той неделе купила ботиночки на меху. А они не подошли. Хочу обменяться с кем-нибудь.

Галинка вспоминает о своей заботе. И только хочет спросить, как где-то впереди, у прилавка, вспыхивает крик. Очередь вздрагивает, как будто по ней пропускают электрический ток. Колышется, беспокоится:

– Что? Что случилось?

– Кончился чай?

– Не хватает?

– Продавщица сказала, чтобы больше за индийским чаем не занимали. Хватит еще на сто человек.

Галинка обрадованно глядит на свой номер.

– А по сколько дают?

– По пять пачек!

– Это много! – кричат где-то далеко сзади них. – Пусть дают по три!

– Столько отстояли! А теперь не хватает? Могли раньше сказать! – волнуется краснолицая тетка в пуховом платке, плотно завязанном узлом на голове.

Из глубины неорганизованной толпы выныривает и подскакивает к ней Танька. Она возбуждена:

– Галка, моя очередь уже подходит. Иди со мною. Возьмем мяса...

У Галинки дома есть запас. Брат Вовуля прислал дичины. Лосятинки, из которой бабушка делает замечательные пельмени. Но запас карман не тянет. А душу согревает. Если дают – надо брать.

Советский человек привык надеяться только на себя, родных и друзей. И если один из твоих знакомых может достать мясо, то он снабжает им всех родственников. Другой, скажем, сидит на вещевом дефиците. И его друзья щеголяют в дубленках. Третий – на овощной базе... Впрочем, основными овощами народ снабжается с огородов. С весны до осени вся советская страна решает продовольственную проблему на собственных шести сотках. И академики, и герои, и мореплаватели, согнувшись в три погибели, копаются в земле. И она, матушка, не подводит.

Потом начинается процесс закрывания консервов на зиму. Грибы, огурцы, помидоры, баклажаны, перцы, варенья, соленья, капуста – все спускается в закрома родины.

Впереди долгая зима. И встретить ее надо достойно, с таким продовольственным запасом, который всегда можно метнуть на стол. И гордо заявить гостям: «Сама хозяйка закрывала. Огурчики с нашей дачи!»

Впереди опять зашумели:

– Всё, всё, кончается продукт!

Слабые и неопытные начинают рассыпаться по сторонам. Но основная масса стойко держится. Очередь, как живой, саморегулирующийся организм, борется. И ждет. Её упорство побеждает.

Снова откуда-то из подсобки выносят партию товара. Да какого! Китайского чая. В коробках, с иероглифами. Жизнь очереди возрождается. Теперь хватит на всех.

И главное – они уже близко.

Откуда-то сбоку притирается к Галке Варвара Чугункина, крепкая, маленькая, темнолицая, темноволосая с черными быстрыми глазами, похожая на татарку, бой-баба. Шепчет Галинке на ухо:

– Я с тобой встану.

– Давай!

– Ты как здесь-то оказалась? – спрашивает Шушункина подругу.

– Приезжала в Москву по объявлению. В молодежную газету. Они хотят у нас в городе свое представительство открывать. Вот я и подсуетилась.

Галинка знала, что Варвара попала под сокращение, когда объявили о так называемой диверсификации оборонки. И завод, за которым числилась их коммунальная контора, провел оптимизацию.

Пришлось гордой и своенравной Варьке идти мыть подъезды да лестничные клетки, чтобы прокормить себя, сына и мужа-алкоголика.

– Ну, если у тебя что-нибудь получится, – попросила Галка, – возьми меня к себе. Надоело сидеть, ждать у моря погоды.

– Ага! Нам художник-дизайнер точно понадобится! – пообещала та.

Галина не придавала особого значения ее словам. Улитка едет, когда-то будет. Но глядя на окрыленную, возбужденную Чугункину, подумала: «Может, и правда что-то изменится. Сдвинется, наконец, и в моей жизни».

III

Свято-Троицкая Сергиева лавра – это несокрушимые, не поддавшиеся ни времени, ни коммунистам высоченные стены, величественные белые надвратные башни, огромные деревянные ворота, через которые Дубравин с новыми родственниками по линии жены проходит внутрь. А здесь их встречают взметнувшиеся ввысь колокольни с золочеными куполами прекрасных соборов, уютные дворики, величественные с приглушенным светом, расписанные библейскими сюжетами стены и колонны.

Вот она Русь! Исконная. Изначальная.

По толпе идет шорох. И словно ветерок бежит над головами:

– Патриарх! Патриарх! Сейчас выйдет Патриарх! Будет поздравлять с праздником!

Балконная дверь в покоях приоткрылась. Из нее выныривает крепкий, широкоплечий красивый, молодой, но бородатый монах в черной рясе и такой же, похожей на черный кивер, шапке. Он сверху оглядывает собравшуюся в монастырском дворе пеструю толпу. И отходит в сторону. Ожидая.

Напряжение нарастает. Дубравин, стоящий на удобном, возвышенном парапете в центре двора, с любопытством оглядывается вокруг.

Пасха. Народ с куличами и крашеными яичками томится у входа в храм. В центре двора лавры огромный металлический бак. Из него черноризный монах разливает в бутылки и кувшины святую воду. Очередь терпеливо ждет, когда можно будет подойти к кранику.

Они только что, минут, может быть, пятнадцать тому назад, приехали в Загорск и сразу такая удача! Увидеть Патриарха Пимена.

Да, такое будешь вспоминать потом всю жизнь!

* * *

Москва встретила бывшего собственного корреспондента неласково. Сначала он попробовал жить в гостиницах. У коммунистического союза молодежи имелась пара таких чудных учреждений, где останавливались молодые функционеры. В частности, все, кто ждал жилья в столице, обитали в «Орленке». И каждый вечер от такого бессемейного, холостяцкого жития «гудели» и «культурно отдыхали». Так что утром горничные мешками выносили из номеров стеклотару и упаковку.

Через пару недель от этих постоянных вечерних упражнений у Дубравина заболело в подреберье, а во рту появился противный металлический вкус.

Тогда он перебрался в соборовскую общагу рядом с редакцией. Но там жизнь была еще веселее. Собкоры приезжали. И проставлялись. Уезжали. И делали отходную. Она могла тянуться день, два. Неделю. Попробуй тут уклониться. Вот и позавчера они провожали любимца публики, собственного корреспондента из Грузии. Художник Пиросмани мог бы изобразить этот сюжет в своих бессмертных творениях. Но его с ними не было. Зато был усатый развеселый «князь» Нугзар Минеладзе из Тбилиси. Такой же усатый и не менее веселый в подпитии бакинец Азик Мурғалиев. Лысый, но тоже усатый и улыбающийся собкор из Еревана. А также рыжий, бородатый угрюмый хохол из Киргизии Степа Гоманюк.

Ну, и соответственно примкнувший к ним русский. Александр Дубравин. А также другие неустановленные лица.

Чего они только не вытворяли!

Минеладзе, держа в зубах «кинжал», в просторечии именуемый кухонным ножом, плясал лезгинку на столе под аккомпанемент стульев-барабанов. И всю ночь в тихом московском переулке жалобно звучала в темноте сакраментальная мелодия «Где же ты, моя Сулико?».

Увы. И ах! Музицирование было прервано самым гнусным образом. Телефонным звонком. Позвонила подруга зама ответственного секретаря. И сообщила народу: «Коля пошел вешаться в ванную!»

– Чип и Дейл идут на помощь! – вскричал тогда Дубравин.

И вся толпа, пьяная в хлам, устремилась в магазин. А потом ловить такси. Ехать. Спасать...

Со вчерашнего дня Дубравин переселился. На самый край Москвы. За Кольцевую. Это особая общага. Съемная трехкомнатная квартира в новом панельном голубом огромном доме. Однако туда никто не хочет ехать. Далеко! К тому же там нет никакой мебели. Ни столов. Ни стульев. Ни шкафов. Только девять железных кроватей с панцирными сетками и матрасами.

А в конце рабочей недели вечером Александр ездит к новым родственникам по линии жены в маленький подмосковный городок.

Сто километров от Москвы. Час сорок на электричке. И это уже глубинная Россия. Настоящая.

Там живут теща и тесть. Люди простые и добросердечные. Дубравин с интересом приглядывается к этой жизни. К этим людям.

Странное дело. Даже когда они что-то обсуждают или чем-то возмущаются – в них нет злобы, упертости.

В этом же городке живут и другие многочисленные их родственники. Так что иногда они собираются на даче на какие-то совместные праздники-застолья. Человек десять-двенадцать садятся за большие, накрытые на зеленой полянке столы. Приносят еду из дома. И ведут долгие неспешные разговоры о перестройке, о жизни, о бабушках и дедушках. Обстоятельно, уважительно относятся они и к Дубравину. Так что все рассказы о тещах, которые прессуют зятьев, здесь не имеют под собою почвы. Разве что иногда кто-нибудь из женщин вспоминает старинную поговорку: «Зять любит взять, а теща, как роща. Ее хоть руби!»

Особенно удивляет Дубравина его шурин – муж сестры его жены. Его все любовно называют Колюшка. И действительно, по своей душевной чистоте, наивности, незлобivosti он словно не от мира сего. И когда по-детски улыбается на ворчание своей половины, Дубравин понимает, что такое «народ-богоносец». И чувствует, что здесь еще до конца не угасли, не затоптаны искорки той самой, канувшей в Лету Святой Руси.

Он много ездит в это время по стране. И в командировки, и так, на экскурсии. И жадно впитывает в себя все окружающее. Слово пытается понять, пощупать руками эту землю, этот народ. Увидеть его историю и скрытую от посторонних глаз жизнь.

И в этих поездках, дальних и ближних, все яснее и яснее становится его видение. Сегодня для него Россия – уже не миф, это реальная страна. Но есть еще что-то в его душе, не дающее ему до конца слиться с этой жизнью. И хотя он страстно желает быть таким же, как все эти люди, у него это никак не получается.

Обостренно он воспринимает оскорбления исторической памяти русского народа. Коренные русаки посмотрят на бетонную могилу князя Дмитрия Пожарского в Суздале – и отойдут равнодушно. А он переживает.

Для них Загорск – он и есть Загорск. А он обязательно вспомнит, что приехали они сегодня ни в какой не в Загорск, а в Сергиев Посад. И это здесь Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия, прозванного впоследствии Донским, на поход против Мамаю.

Здесь Петр прятался от Софьи во времена стрелецкого мятежа. И был он тогда просто длинный, узкоплечий, нервный, испуганный мальчишка в наброшенном на плечи чужом кафтане.

Отсюда, из этих стен, начинался его царский путь. А закончился в городе его имени под беломраморной плитой саркофага с простой надписью: «Петр Великий».

Много увидел Александр Дубравин в этих разъездах. И ряды безымянных саркофагов в Успенском соборе Московского Кремля. И развороченные памятники на Бородинском поле. И бассейн на месте храма Христа Спасителя...

Многие знания рожают многие печали. А взбаламученная душа его ищет. Ищет Родину, которая даст ему, наконец, покой и радость. Радость жить на своей земле...

* * *

Пошел по праздничной толпе туристов и паломников шорох.

«Патриарх! Патриарх! Патриарх!»

Ждут все. Выходит на балкон суровый бородатый мужчина в странном облачении. Над белым головным шлемом – крест. Надо лбом – вышитый шестикрылый серафим. На груди – икона. В руке – чудной красоты посох.

Народ, разинув рот, стоит. Глазеет. А мужчина обводит суровым взглядом собравшуюся толпу. И под этим взглядом народ робеет. Затихает. Смирненно опускает глаза.

Опускает виновато глаза и он. Шурка Дубравин.

– Поздравляю вас с праздником святой Пасхи! – медленно и величаво, наконец, произносит первые слова патриарх.

– Спасибо! – единодушно выдыхает огромная толпа.

Бу-у-у-ум! Бу-у-у-ум! Пронзительно ударяют колокола.

Сердце трепещет в груди. И отзывается на эти прозрачные праздничные звоны.

В эти минуты Дубравин уже почти не слышит проповеди. Он чувствует, что какая-то неведомая радость и сила рождаются в его груди. И сила эта не только его. Что она частичка какой-то общей объединяющей его с этими людьми силы. Что он, родившийся на чужой далекой земле, за тысячи километров от центра русской цивилизации, – неотрывная часть ее. Ее великой истории. И общей судьбы.

Он смотрит на взлетевших в высокое небо птиц. И повторяет про себя: «Ах, ты, Русь моя, изначальная! Всплывёшь ли ты из глубин истории или останешься навсегда на ее дне, как древняя Атлантида?»

IV

«Что же это всех такое охватило? Болезнь какая-то? Временное умопомешательство? Массовый психоз? Стихийное бедствие?»

Что они все рванули из страны?

Жили, жили! По-разному, конечно. Но худо-бедно прожили в этой стране больше двух-сот лет. А теперь, как с цепи сорвались!

А может, оно и так. Сорвались с цепи обид и взаимных претензий.

А обижаться нам, немцам, есть на что! Трудовые армии. Выселение в Сибирь и Казахстан. Жизнь с клеймом. С постоянной оглядкой на прошлое. Хотя, чего уж там.

Это наша интеллигенция любит все усложнять. Простой бургер – тот едет за колбасой, шмотками и личным автомобилем...»

Андрей Франк морщится. И, подперев ладонью свое остренькое, треугольное личико, смотрит в окно. Ему страшно нравится смотреть отсюда, из аппаратной, с высоты птичьего полета на Алма-Ату. Справа тяжелый мраморный куб здания ЦК Компартии, слева – высотная гостиница, напротив – новая площадь. А за нею, все ниже панорама зеленого красивого восточного города.

«Да, это не унылый Целиноград, – откуда они не так уж давно переехали сюда, в столицу. – Там изо всех достопримечательностей одно здание администрации, да унылый дворец целинников. И голимая, продуваемая страшными ветрами степь. Одно слово бывший Акмолинск. “Ак-мола” по-казахски “белая могила”. Не зря так названо. И не зря туда товарищ Сталин сослал жен своих врагов. Так и называли этот лагерь. Алжир – Акмолинский лагерь жен изменников Родины.

Родина? Где она теперь у русских немцев? На Волге? В Саратове? Здесь в Казахстане? Или там, в Германии? Нет ответа. Хотя вон Петр Гук! Этот все знает наперед».

Андрей еще раз морщится. Вспоминает сегодняшний утренний разговор с товарищем: «Петр, он такой, как бы это сказать попроще, – махровый немецкий националист. Для него Германия – это прямо, как он выразился, “сияющая вершина”. Как для евреев “земля обетованная”. И он жаждет туда перебраться как можно скорее. Это еще и результат, по большому счету, и нашей собственной работы. Это мы – пресса, радио, телевидение создали такую атмосферу, что решиться на отъезд намного проще, чем остаться здесь жить. И все из-за лжи, нашей лжи. Как говорится, единожды солгав, так кто тебе поверит? Газеты о жизни в эмиграции пишут правду. Не сахарно и там. Но народ настолько привык к постоянной лжи, что не верит ни единому слову. Хотя эмиграция сама по себе – явление сложное. Не хорошее и не плохое. Просто одно из проявлений вечной, быстротекущей нашей жизни. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. И Моисей водил евреев по пустыне. И гунны кочевали из Азии в Европу. И наших предков привели в Россию седобородые немецкие пасторы-эмигранты. Вон Америка – вообще страна эмигрантов. Так что это не добро и не зло. А так, объективная реальность. Двигаются армии, поднимаются в дорогу миллионы. Дубравин перебрался в Москву. И ничего. Живет.

Хорошо мы тогда с ним погуляли. Напоследок. Но только мне надо все сделать не так. Меня ведь никто не гонит. Надо мною не капает. Так что мы не поедem с бухты барахты туда, не знаю куда.

Хм! Родина предков! А вот поработать на западе. Осмотреться. Денег прикопить. Это другое дело. Стоящее. Особенно сейчас, когда открываются такие возможности. Почему бы ими не воспользоваться...»

Андрей отходит от окна. И аккуратно кладет в кожаную коричневую папочку свою подробнейшую служебную записку по этому поводу. Быстро проскальзывает по длинным

коридорам телецентра. Несколько секунд стоит перед приемной председателя телерадиокомитета. Выдыхает и заходит.

Черноволосая, черноглазая секретарша Соня радостно улыбается ему навстречу. Привыкла, что Франк без комплимента не зайдет. Но ему сегодня не до них. Он просто оставляет свою записку. И молча выходит прочь.

Теперь надо ждать. Часовой механизм запущен. Андрей идет в аппаратную и начинает ваять очередной пропагандистский шедевр на тему немецкой жизни в родной республике.

Перестройка, гласность, свобода. Они дали журналистам новые возможности. И Андрей сумел ими воспользоваться. Редакция их газеты недавно перебралась в Алма-Ату. И тут он – хороший фотограф, овладел еще и ремеслом телеоператора. Так что уже почти год трудится в республиканском телецентре, в студии, готовящей передачи для казахстанских немцев.

Он посмотрел, как это делают другие. И стал снимать сам.

Пришел успех.

Родилась новая идея. Поехать корреспондентом от казахстанского телевидения в Германию. И уже оттуда, из-за кордона, рассказывать о судьбах и проблемах бывших соотечественников.

Надо же Казахстану в новых условиях налаживать международные связи. Тем более что новое прогрессивное руководство в лице председателя телерадиокомитета тоже хочет, чтобы подвластное ему телевидение было не хуже, чем московское с его «Взглядом», «Двенадцатым этажом» и прочими разными дискуссионными клубами.

Через полчаса на столе звонит внутренний телефон.

Стажер их отдела – монтажер Светлана, передает ему трубку двумя руками с шутливым поклоном:

– Сам шеф! Тебя!

– Слушаю вас, Бергей Аманжолович! – от волнения почти шепотом говорит Андрей.

– Андрей! – впервые по имени без церемоний называет его председатель. – Тут я прочитал твою записку. Можно сказать, любопытная. Зайди-ка ко мне. Обсудим ее.

– Сейчас?

– А ты что, занят?

– Передачу монтируем, Бергей Аманжолович. Вечернюю!

– Ну, тогда в шестнадцать ноль-ноль! – веско замечает шеф.

– Слушаюсь! – отвечает он. И осторожно, чтобы не вспугнуть удачу, кладет трубку на рычаг. А внутри все вибрирует, как натянутая струна: «Сработало, сработало!»

Без пятнадцати четыре он уже сидит под дверью у председателя. Но недолго.

Закончилось какое-то совещание. И народ валит через стильную приемную. Следом выходит сам. Моложавый, с высоким лбом, глаза узкие, хитрющие. Черные длинные волосы зачесаны этакой гривой назад. Очень творческий, этакий художнический вид у нового председателя.

– Заходи, Андрей, – без церемоний обращается он к нему. И секретарю: – Соня, чайку согрей!

– Вам зеленый?

Кабинет с огромным окном, выходящим на горы. Впечатляет обилие разного рода сувениров, статуэток, привезенных из-за границы. Тут тебе и Египет, и Тайланд, и китайские болванчики. Новые времена, новые веяния. Кожаное черное кресло прямо обнимает все тело.

– Прочитал твою записку! – без долгих предисловий начинает разговор Бергей Аманжолович. – То, что ты предлагаешь, я об этом давно думал. Это расширение нашей творческой самостоятельности. И одновременно это очень важно сегодня для республики с точки зрения отъезда наших соотечественников за рубеж, в частности в Германию и Грецию. У нас

что сейчас происходит? Массовый отъезд немцев, да не только немцев, но и евреев, греков на Запад. Эта ситуация для нас сложная. И партия поставила нам задачу – показать объективную ситуацию. Там у них. Так что твоя инициатива, она в русле, очень интересная...

– Да, нам надо показывать жизнь иммигрирующих изнутри! – подхватывает, вливаясь в поток речи председателя, Андрей. – Чтоб люди ехали с открытыми глазами. А не так, как сейчас.

– Не ехали! – перебивает его Бергей Аманжолович. – А оставались!

– Ну да, я оговорился! Оставались...

В сущности, Андрей Франк предложил начальству открыть корреспондентский пункт Казахского телевидения в Германии. Теперь уже в объединенной стараниями перестройщиков. Цель – показать западную жизнь такой, как она есть. Без прикрас. Хотя бы что-то противопоставить валу писем и снимков, на которых уехавшие крестьяне гордо позируют на фоне подержанных «мерседесов» и «ауди». Но это была как бы официальная сторона его предложения. Для себя же лично Андрей видел огромные перспективы. Возможность увидеть другую жизнь, вырасти профессионально, просто заработать.

– Сначала, конечно, мне придется какое-то время поучиться у тамошних профессионалов. Может, поработать на местном телевидении. Постажироваться. А потом создадим бюро. – Он даже внутренне окрылился от открывшихся перспектив. Потому что понимал – такие сюжеты можно будет продать не только сюда, в Казахстан, но и в Москву.

Андрей, конечно, не стал говорить своему телешефу, что он уже съездил в Баварию. Подыскивал себе там место в мюнхенской телекомпании. Зачем тому знать, что шустрый подчиненный уже давно «ведет свою лодку» этим курсом. И что именно сейчас он готовит решающий «удар веслом», чтобы направить ее в сторону притягательного берега далекой страны его предков.

– Ну что ж, в целом идея принимается, – важно замечает Бергей Аманжолович. – Очень неплохая идея. Можно сказать, моя собственная идея. А вот с деталями ее надо нам еще хорошенько разобраться. Поработать. Когда будет все готово, я доложу о ней руководству в отдел пропаганды. Думаю, там поддержат. Новые люди сегодня и там. Во всяком случае, они сегодня нам не могут запретить такое дело, как открытие нового корпункта. Но все-таки соблюдем порядок и субординацию.

После разговора с председателем он еще и еще раз прокручивает в голове все «за» и «против». «Нет, кажется, все продумано. Все учтено. Делаю по уму. И связи здесь не оборвутся. И перспективы там более-менее ясны».

Позвонила по телефону жена. Встревоженно спросила:

– Ну что? Поговорил? Чего молчишь?

Он помолчал с минуту, а потом коротко ответил:

– Едем!

V

«Одно слово – заповедник!» – думает Володя Озеров, разглядывая длинную, во всю стеклянную стену, экспозицию кусочка лесостепной природы этих краев.

И действительно, мастерски сделанные чучела рыжей лисы, семейства благородных пятнистых оленей на фоне муляжей деревьев выглядят впечатляюще. Особенно хороша витрина с волком и лосем. Как живые! Того и гляди задвигаются. Да и само большое просторное здание музея дикой природы Черноземья, заполненное многочисленными экспонатами, здесь не единственное. Рядом стоит еще несколько строений, отведенных под лаборатории и жилые дома. Есть даже звероферма, где разводят бобров и водяных крыс – нутрий.

Впечатляет и площадь перед заповедником. На ней там и тут расположены крупные монументальные скульптуры лежащих и стоящих оленей.

Настоящий научный центр посреди крупного лесного массива.

Леса в этих краях, конечно, совсем не такие, как где-нибудь в Сибири или в Белоруссии. Это даже не суровый брянский лес. Здесь они в основном искусственно насаженные, жидковатые. Потому как еще во времена царя Петра их использовали на строительство кораблей. Повырубили. А потом начали восстанавливать.

Но заповедник, расположенный возле реки, на многочисленных озерах уцелел, остался почти нетронутым человеком. И теперь он приехал сюда, чтобы работать.

Честно говоря, надоело ему носиться по лесам за браконьерами, которых с каждым месяцем становится все больше и больше.

А как по-другому? Вокруг заказника деревни. А в деревнях обнищавшие мужики с ружьями. И любой чудила встал утром с похмелья, потянулся, шагнул за порог. И уже в лесу, где живут «мои друзья».

Своими друзьями Озеров называет отнюдь не людей – а зверей.

Но, может, даже не это заставило его перебраться сюда, в заповедник. И даже не желание срочно дописать кандидатскую диссертацию.

Есть у русских интеллигентов такая мечта. Бросить все. К чертовой матери. И податься в глухую провинцию. На природу. Чтобы там, вдали от суеты больших городов, начать новую, чистую, честную, радостную жизнь. Вместе с народом-тружеником.

Кто эту мечту придумал, они не знают. Может, Лев Толстой. Но она жива. И как ни странно, согревает душу тысячам. Они, конечно, никогда никуда не уедут. Тому виною обстоятельства непреодолимой силы. Дом, жена, дети, работа, начальство.

А вот он, Володя Озеров, ее удачно исполнил. И теперь он, старший научный сотрудник, радостно глядя на экспонаты музея, сидит на собрании трудового коллектива и пытается понять, о чем идет разговор.

Выступает директор – широкий, важный:

– За прошлый год мы провели более десяти мероприятий, направленных на сохранение поголовья животных в рамках нашего биосферного заповедника. Работа большая. Так, только учет бобров, проведенный отделом водоплавающих, потребовал от нас дополнительно...

Озеров слушает его убаюкивающую, плавную речь и разглядывает людей, окруживших его. Людей, с которыми ему предстоит работать бок о бок. Вот наклонил голову и набычился Сергей Петрович Аксентов из отдела охраны. Такой упертый крепыш со щеточкой усов под курносым носом и в форменной куртке лесничего. Он задумчиво тербит в руках рыжую барсетку с какими-то, видимо, необходимыми ключами. И, как кот, слегка прищуривает глаза, когда директор начинает рубить «правду матку».

– Но я хотел бы отметить слабую работу службы охраны! – начинает критическую часть доклада Шорохов. – Вы все прекрасно знаете нашу проблему. Через заповедник, к сожалению, проходит одна из веток железной дороги. И периодически здесь случаются чрезвычайные происшествия. В прошлом месяце проходящий локомотив сбил оленя. Так вместо того, чтобы принять немедленные меры к расследованию происшествия, составить акт и разобраться, товарищ Аксентов не явился по вызову на работу, так как был занят личными делами. А проще говоря, пьянствовал на свадьбе своего друга. Я считаю такое отношение к работе недопустимым, позорящим звание научного сотрудника и наш небольшой, но дружный коллектив...

Собравшиеся мужчины и женщины дружно зашевелились, задвигались, зашептались. Особенно, судя по всему, нервно реагировали на критику как раз егеря. Митрич, старый, седобородый, морщинистый, что-то зашептал рядом сидящему молодому жилистому парню в джинсах и ветровке – Петру. К ним наклонился с другого ряда маленький вертлявый Николай.

Только Аксентов оставался невозмутим и спокоен.

Да, видно, не сбылась и на этот раз мечта русского интеллигента. И здесь, казалось бы, в тихом лесу, на природе кипят страсти. И судя по тому, как дальше пошло их чудное собрание, страсти нешуточные. Потому что после директора поднялся его заместитель по научной работе и высказался, что в чужом глазу и соринку мы видим, а вот в своем бревна не замечаем. В общем, разнес он в пух и прах политику директора, который якобы дает возможность защищаться только своим, приближенным, сотрудникам, а на остальных, можно сказать, плюет «зигзагом с Марса».

Озеров только успевает поворачиваться, чтобы разглядеть каждого последующего оратора.

А народ выливается и оттягивается по полной. Перестройка и гласность, критика и самокритика – веяния новых времен дошли и сюда.

Под конец собрания всё смешалось. И Володька уже так и не смог понять, почему кричала тетя Дуся, рабочая фермы, требуя от «звериного» начальства в президиуме человеческого отношения и, кажется, еще резиновые сапоги.

Собрание закончилось вечером. И неожиданно. Погас свет. Все, чертыхаясь в темноте и натываясь друг на друга и на стулья, стали выбираться на улицу. И уж там, разбившись на кучки, переговариваясь на ходу, побрели куда-то.

Как-то так получилось, что он – Володька Озеров оказался в одной кучке с егерями, которые сгрудились около Аксентова. Разговор, который вначале шел в русле «а сам директор – мелкий жулик и никакой администратор», потом вдруг перешел в другую, неожиданную плоскость.

– Чего тут делать-то?! Заповедник! – презрительно сплюнул на траву Аксентов. Закурил сигарету. Затянулся дымом и, снисходительно посмотрев на увязавшихся егерей, сказал: – Это он меня гнобит, потому что я хочу организовать у нас охотничий кооператив. Поставить тут дело по-новому. Вместо того чтобы сидеть и ждать у моря погоды и государственного финансирования, начать зарабатывать самим.

Озеров, которого страшно заинтересовала такая постановка вопроса, спросил:

– А это как? Тут же заповедник!

– Да, очень просто! Создать кооператив охотников! Заповедник большой, тысячи тысяч гектаров леса. Выделить участок, в котором можно будет охотиться. И на этой охоте зарабатывать деньги... для финансирования тех же научных работ.

Все егеря одобрительно загудели:

– Да, ты голова, Серега!

– Правильно!

– А то сидим тут, закисли совсем. Зарплату, и ту постоянно задерживают!

– Да, и сам директор частенько гостей возит. Постреливают, – заметил самый старший из егерей Митрич, огромный, как старый дуб, морщинистый с белыми бровями и бородой. – Ему, значит, можно! А нам нельзя! Зверья полно! Чего ж добру пропадать...

– Охраняли, охраняли! – робко проговорил молодой белолицый, похожий на девчонку, паренек в зеленой куртке и клешеных джинсах. – А теперь стрелять. Как-то не того!

На него зашикали.

– Помалкивал бы! Молод еще рассуждать. Молоко на губах не обсохло...

И тут Володьку осенило. И он тоже вступил в разговор:

– Так их можно специально разводить для охоты. Сделать звероферму. Огородить. И даже можно туда экскурсии водить. Ведь ходят же смотреть нутрий и бобров.

– Точно! А ты, я вижу, тоже голова! – похвалил Аксентов. – Соображаешь. Давай мы с тобой этот вопрос обсудим завтра. А то сегодня уже и так засиделись...

* * *

Озеров едет по разбитой дороге домой в соседнюю деревню на служебном «пазике», который привозит и отвозит персонал заповедника на работу. Едет и думает: «Вот как странно обернулась моя мечта найти тихое место, чтобы жить на природе и дописать, наконец, свою диссертацию. Видно, что-то сильно изменилось в стране советов, если даже сюда проникли кооперативные настроения. А интересно получается. Если я раньше гонялся по лесам и сражался с богатыми «буратинами», приезжавшими, чтобы пострелять, то теперь картина может перемениться полностью. Я буду приглашать таких охотников к себе. И организовывать им отдых. За деньги. Большие деньги.

Кстати, на западе такие сафари уже много лет существуют».

«Вот тебе и тихое место... Глухой угол. И тут страсти, споры кипят. Да еще какие! Видно, нет сегодня в России таких мест. Кипит вся страна. Впрочем, это у нас в головах все кипит. А природа, она живет своей жизнью».

И действительно. Пока автобус идет по лесной дороге между деревьями, его фары успевают несколько раз выхватить из темноты перебегающих дорогу лисиц. А в одном месте впереди автобуса долго бежит зафаренный, глупый заяц.

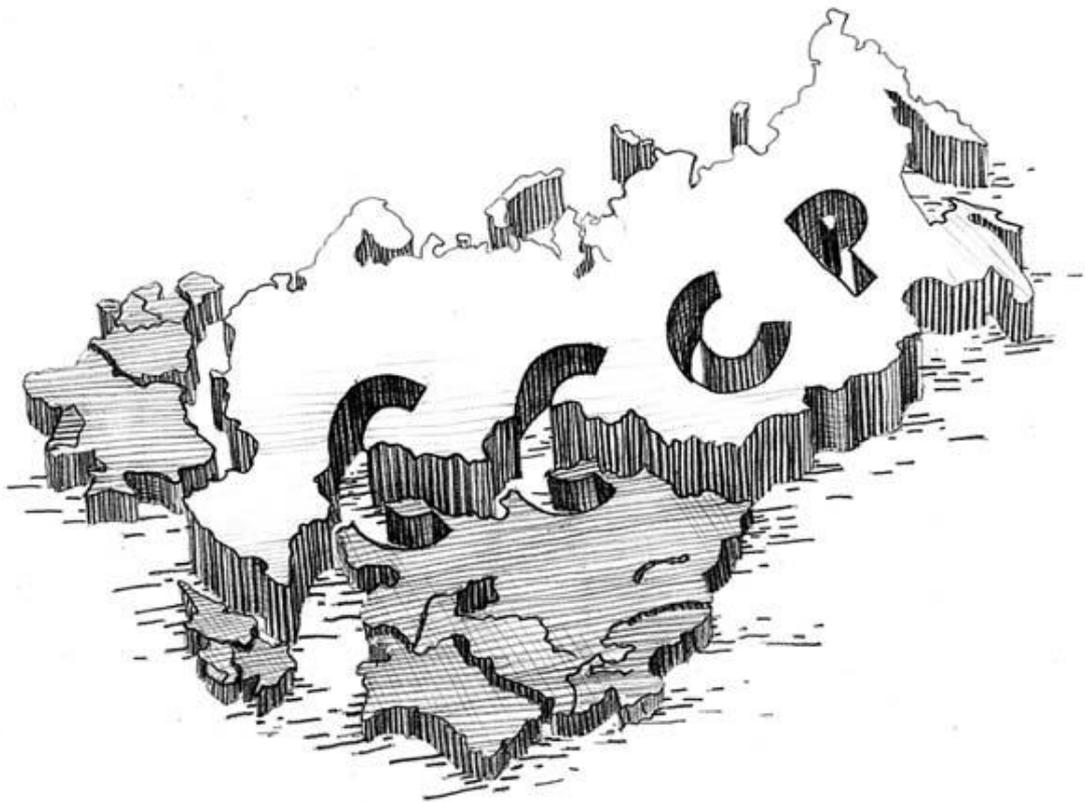
Водитель жалеет его, выключает на минуту свет. И косой в темноте, наконец, улепетывает с дороги в лесную чашу.

Они стоят некоторое время с выключенными фарами и двигателем, прислушиваясь к звукам ночного леса. К уханью филина в чаще, кряканью уток на озерах, трелям соловья на соседнем хуторе.

«А хорошо ведь! – думает он. – И чего скандалили? Кричали?»

Часть II Лебединая оперетта

I

На всей земле был один народ. И один язык. И задумал этот народ невиданное дело.
Построить рай. На Земле.

Единый для всех. Чтобы всем было одинаково хорошо.

Великие вожди нарисовали планы. Маленькие люди стали их выполнять. Днем и ночью возводились гигантские плотины, засеивали пустыни, собирали чудовищные ракеты и корабли.

Долго трудились. Но рая все не было.

И тогда люди начали роптать. «Хотим говорить каждый на своем языке. Хотим строить свое отдельное маленькое счастье».

Из этого ропота родился великий спор. И все стали обвинять друг друга: «Мы строим, а они только едят! Не будем вместе с ними жить!»

И вспомнили все старые обиды. И заговорили на древних языках.

А потом разделились. И перестали строить мифическую башню под названием «коммунизм».

И в конце концов разошлись, рассеялись по земле, стелая и проклиная друг друга.

II

Вторая половина августа. Москва наполовину пуста.

Дубравин выходит из метро на станции «Белорусская». И через железнодорожный каменный мост движется по Ленинградскому проспекту к редакции.

Его глазам открывается уже привычная панорама – широченный, отстроенный как бы старинными кирпичными с лепниной и украшениями зданиями проспект. Его разделяет посередине зеленый, протянувшийся на сколько хватает взгляда сквер с травяным газоном и подстриженными, округлой формы деревьями.

Только что прошел дождь. И мокрый асфальт испускает пар под неярким в этих широтах августовским солнцем.

Почти два года он здесь. Жизнь в Москве похожа на постоянный марафонский забег.

Сам гигантский имперский город задает этот бешеный темп, которому вольно или невольно, в конце концов, подчиняются все его обитатели: вчера он до самой ночи дежурил в типографии, а сегодня с утра надо уже спешить на утреннюю планерку. И так «каждый день на ремень».

Для рядового обывателя издание газеты выражается простой формулой: «Писатель пописывает, читатель почитывает». И только профессионалы знают, как работает эта гигантская машина, эта индустрия новостей, в которой задействованы сотни тысяч людей.

Журналист словно из воздуха, из мира идей извлекает слово. А вот значимость, особую весомость, свое звучание это слово обретает здесь, в цехах. На допотопных линотипах сидят за клавиатурой наборщики и отливают это слово в металл. В самом прямом, буквальном смысле.

Свинцовые строчки кладут на стол верстальщика. И он собирает из них полосу...

Здесь же находится и автор. Следит за процессом, «обрубают хвосты». Если надо, правит текст. И переделывает. До совершенства... Идет производственный процесс...

Александр Дубравин поворачивает за угол. И в недоумении останавливается. Весь перекресток рядом с серо-стальным, исполненным в духе конструктивизма зданием издательства забит военной техникой. Столкнулись два крытых зеленых грузовика. Возле них крутятся солдатики. В воздухе стоит густой, отборный мат.

«Ну, дела! – думает он, глядя на эту нелепую картину. – С какого бодуна они сюда заехали?»

С этим неизбежным вопросом он и проходит в солидный подъезд, украшенный вывеской с орденами, символом заслуг газеты перед народом и партией.

Скрипучий лифт возносит его на этаж. Впереди длинный коридор, обитый вытертым желто-рыжим ковровым покрытием, а вдоль него ряды деревянных дверей – обычное расположение редакций в этом отстроенном еще в тридцатые годы здании. В самом конце коридор упирается в большое помещение, названное по цвету панелей и обивки стульев «Голубым залом».

Перед входом в него стоят стеклянные витрины с музейными экспонатами и подарками от именитых посетителей. Здесь же коридор сворачивает налево – в большую приемную главной редакции. В этом тупичке располагаются кабинеты главного и его заместителей.

Таково, в сущности, основное устройство легендарного шестого этажа. Место, куда на работу мечтают попасть все без исключения молодые журналисты великой страны.

Ступив на ворсяное покрытие коридора, Дубравин чувствует уже ставшее привычным легкое напряжение в позвоночном столбе и волнение в сердце.

Так действует на него «дух шестого этажа». Понятие абсолютно мистическое, для посторонних непонятное, но совершенно реальное для тех, кто живет и работает здесь.

Столкнувшись с этим явлением, Дубравин нашел для себя некое удовлетворительное объяснение. Он понял, что воздух этажа аж звенит и вибрирует от разлитых в нем эманаций молодого эгоизма, самомнения, чувства исключительности. И эти эманации каким-то чудным образом питают творческую энергию журналистов, позволяя им изо дня в день, из года в год делать лучшую в мире газету.

Здесь со всей империи было собрано все самое живое, самое талантливое. И оно энергично пёрло, лезло, стремилось проявить себя, прозвучать на всю гигантскую страну.

Каждый считал себя интеллектуалом, гением, пупом вселенной и выдающимся деятелем всего и вся. Но так как это надо было доказывать делом, то пишущая братия жестко конкурировала за место под солнцем.

* * *

...Утро начинается с летучки. Здесь как в школе. Все по звонку. Не успевает Дубравин выскочить из лифта, как раздаётся треньканье колокольчика. Народ вылетает из кабинетов. И с гиканьем летит по взлетной полосе коридора в секретариат. На «топтушку». Здесь на большом столе ответственного секретаря раскладываются газетные полосы.

Номер собирается сильный. Идет нешуточная борьба за каждый абзац, за каждую строчку. Все доказывают, что их материал – это святое. То есть вечное и неповторимое. Рыдая, отходит от стола юная девушка-стажер. Её «заметку» сняли. Маститый длинноволосый и носатый обозреватель, вытирая клетчатый платочком обильный пот со лба (следствие вчерашних совместных возлияний с ответсеком), ждёт окончания «топтушки». Он еще вчера в застолье договорился о своем эссе. А сегодня просто сидит на стульчике в сторонке. Сторожит. Не покусятся ли кто-нибудь на его «нетленку».

Народ столпился у стола. Идет мозговой штурм. Придумывается название для сообщения о создании государственного комитета по чрезвычайному положению. Все собравшиеся разновозрастные, разнохарактерные журналисты хохмят и посмеиваются.

Дубравин, который еще ничего толком не знает, потихоньку спрашивает стоящего рядом редактора отдела пропаганды вспльчивого, как порох, Виктора Пеплова:

– Что случилось? Я в деревне был у тещи. Не в курсе?

– Да, блин, какие-то суки объявили в Москве чрезвычайное положение в связи с болезнью Горбачёва!

– То-то я смотрю на перекрестке у издательства авария с армейскими произошла. Не мог понять, чего они тут делают? В центре города.

Судя по всему, народ не воспринял это самое ГКЧП всерьез.

– Давай назовем ее «Переворот по просьбам трудящихся!», – выдает на гора очередной заголовок самый главный мастер по этой части Равиль Мухутдинов.

– Точно!

– Прямо в яблочко попал! – сыпятся с разных сторон одобрительные возгласы.

Дубравин тоже включается в процесс «топтания». Начинает интриговать, предлагая ведущей номер Дарье Нуферовой статью собкора из Киргизии о развенчании культа личности местного писателя Чингиза Айтматова, который недавно потряс всех своими манкуртами-абorigенами, потерявшими память.

Теперь это тоже его работа. Опекать собкоров, разбросанных по всей необъятной стране.

Дело в том, что, будучи спецкором, он никак не мог всерьез, по-настоящему взяться за переезд своего семейства в Россию. Не было времени. И они до сих пор оставались в Казахстане. Жена работала в биологической лаборатории. Сын ходил в детский сад. Жили

они все в той же корпунтовской квартире, которую он когда-то отвоевал у комсюков. Но, понятное дело, так не могло продолжаться вечно. Надо было их перевозить.

Раньше, до перестройки, молодым журналистам, приглашенным на работу в столицу, жилье давали сразу, как номенклатуре комсомола. Теперь этот порядок разрушился. И последний дом, построенный ЦК ВЛКСМ, был уже распределен.

Дубравину, как говорится, обломилось. Теперь он сам занимается обменом квартиры. Дело это муторное. Желающих уехать из Москвы мало. А цены они ломают крутые. Процесс требует времени и сил. Вот и вынужден он перейти с творческой должности на административную.

Но, как говорится, не было бы счастья, так несчастье помогло. У него появилось время не только для того, чтобы заниматься обменом, но и подняться на новую ступень в творческой работе. На другой уровень публицистики. От фактов перейти к обобщениям.

Появилась возможность осмыслить происходящее. И делать такие материалы, к которым он в суете и погоне за строчками раньше не мог и подступиться. Это были не эскизы и зарисовки, а полотнища, исследования, вспахивающие целые пласты жизни позднесоветского общества. Одни названия чего стоят: «Бедность», «Коррупция», «Жестокость», «Революция на экспорт». Он брал тему и неторопливо, шаг за шагом анализировал ее в историческом, этническом, политическом направлениях.

Это уже была журналистика не безымянная, а именная. Когда он принес свой очередной опус «Что будет, если не договоримся» в секретариат, ответственный секретарь Володя Купер взял последнюю страницу и молча к его подписи «А. Дубравин» поставил полное имя Александр.

Так разрешалось подписываться только мэтрам.

Сила молодежи была и в том, что газета постоянно обновлялась. На этаже сосуществовали люди с самыми разными интересами и взглядами на жизнь. Что-то происходило в обществе, возникала новая потребность и на страницах молодежи появлялись новые имена, рубрики, подходы.

В перестройку всю страну всколыхнули «прямые линии», придуманные молодым редактором газеты.

Вот и сегодня произошел новый поворот. Надо реагировать. Ведущий номера Дарья Нуферова, очкастая интеллигентная дама, возвращается на «топтушку» от главного и сообщает:

– Всё! В связи с ГКЧП номер делаем заново!

Гул разочарования проходит по всей дежурной бригаде:

– У-у-у!

Но Дарья не дает расслабиться. Сразу решительно берет быка за рога:

– Что могут предложить отделы?

Народ пару минут «чешет репу». Первой подает голос маленькая, тихая Света Куклина из отдела науки:

– Мы через Чазова попытаемся выяснить, как здоровье Михал Сергеича!

– Отдел политики, – вступает в диалог Рафик Хусейнов, – соберет все возможные данные на руководителей ГКЧП. Их биографии. Где работали. Политические взгляды...

– Наши репортеры уже выехали во все самые важные точки Москвы, надо посмотреть, что происходит в городе. Где стоит военная техника. Куда идут войска, – рапортует Вадим Хролов.

И остановившийся было редакционный механизм быстро разворачивается в новом направлении и начинает набирать обороты.

Народ с «топтушки» бросается врассыпную. Этаж зашевелился, забегал, зазвонил.

Пошла писать губерния!

Так проходит полчаса. Откуда-то со стороны улицы начинает нарастать гул. Сначала занятой народ не обращает на него никакого внимания. Но гул приближается и переходит в рев. Все устремляется к окнам. Да так и застывают у них.

По улице, где стоит серое здание издательства, медленно, покачивая стволами вверх-вниз, катится колонна боевой техники. Зеленые бронированные коробки, беспощадно чадя выхлопными газами, скребут по асфальту, оставляя на нем вдавленные металлом гусениц белые полосы.

В этом есть нечто сюрреалистическое, невероятное, выходящее за рамки трезвого понимания.

– А вот и картина маслом, – пытается пошутить Равиль Мухутдинов. Но осекается, останавливается на этой фразе, увидев враз посеревшие, испуганные лица, на которых читается одна и та же мысль: «Что сейчас будет? Может, через минуту на этаж взлетят автоматчики. Начнут хватать всех, стогнать в Голубой зал. А там...»

По этажу мимо дверей кабинетов мчится быстроногий репортер Лёха Косулин со словами:

– Телевизор! Телевизор! Включайте!

Все бросаются в кабинеты к телевизорам. Бежит по экранам рябь. Потом появляется заставка.

Дубравин со своими сотрудниками затихает у себя в отделе корсети. Ждет. Вот, наконец, молодой симпатяга ведущий объявляет о пресс-конференции. Еще несколько минут ожидания. И в президиум выходит, выползает этот самый таинственный коллективный орган – ГКЧП.

Люди как люди! Только страшные своей неизвестностью и затеянным делом. Государственным переворотом.

Лучше бы они не выходили. Лица серые. Сами испуганные от содеянного. Руки трясутся.

И что это за пресс-конференция?! Что за голоса?! Что за рожи!

Монотонно бубнят свои заявления. И растворяются в небытии. По ту сторону экрана.

А они остаются тут, у телевизора. И в недоумении пялятся на неожиданно начавшийся балет. «Лебединое озеро».

Приздумались голубчики. Все подавлены увиденным.

– Ты видел, как у них глаза бегают? – наконец спрашивает Дубравина бывший бакинский собкор Лёха Дунелин.

– А руки, руки Янаева? – отвечает Дубравин вопросом на вопрос. – Какие-то они жалкие, эти гкчеписты, напуганные. Ненастоящие. Может, это все ненадолго? Лебединая оперетта какая-то, прости господи!..

Но их робкая надежда угасает, когда на этаж поднимается из цеха ответственный секретарь. И всех огорошивает негромким таким заявлением:

– Ребята! Верстальщики сидят, курят. Нашу газету не набирают.

Со всех сторон слышны возмущенные голоса:

– Как не набирают?

– Почему?

– Не имеют права. Охренели, что ли?

– А они говорят, что наша молодежка вообще не выйдет, – подкидывает в топку возмущения дровишки ответсек. – Есть распоряжение комитета по чрезвычайному положению – приостановить выпуск.

– Да, ну, брось ты! – вспылит Витька Пеплов. – Газета наша всегда выходила регулярно. Не останавливалась. Тут какая-то ошибка!

* * *

Голубой зал забит до отказа. Народ занял все стулья. Сидит на ковриках, в проходах. Кто не смог попасть внутрь, стоит у входа, томится дальше по коридору. У всех журналистов, технических работников, референтов, секретарей и разного прочего трудового народа в глазах один и тот же вопрос: «Что будет дальше? Что будет с нами?»

За столом сидит редколлегия в полном составе. Главный редактор, заместители в количестве четырех и редактора отделов. О состоянии дел докладывает раскрасневшаяся от волнения во всю щеку Дарья Нуферова:

– Я ходила на прием к директору издательства товарищу Леонтьеву! – начала она свое выступление.

Народ притух.

А надо сказать, что в то время, когда газеты ничего своего не имели, кроме славного имени и авторитета у читателей, издатели казались журналистам некими небожителями. А поэтому директор главной в стране, да еще принадлежащей партии конторы, можно сказать, числился ими в ранге архангела, полубога. И вот к нему-то журналистская гольтьба отправляла ходоком женщину – первого заместителя главного редактора.

– И Леонтьев показал мне письменное распоряжение от ГКЧП – не печатать целый ряд газет. В том числе и нашу. И сказал, что он нарушить приказ не может.

При нашем разговоре в кабинете у директора сидел человек в штатском. Внимательно прислушивался. Тогда я Алексею Петровичу предложила: давайте сделаем так. Мы свою работу. А вы – свою. Мы сверстаем газету. Ну а раз вам запрещают – не печатайте. Пока. Мы пойдем наверх добиваться разрешения...

В зале раздались голоса:

– Как они могут!

– Наша газета всю войну выходила! Даже когда немцы были у Москвы! – замечает стенографистка баба Катя.

– Сволочи!

– Спокойнее, ребята! Спокойнее! Что-нибудь придумаем, – старается снять напряжение главный редактор, юный функционер Владик Хромцов.

Сквозь ряды пробивается в центр зала редактор отдела новостей Дмитрий Ушатов. Такой здоровенный, по-своему эффектно растрепанный парниша:

– Ельцин сейчас выступал! – сообщает он подавленному народу. – Прямо с танка номер сто десять Таманской дивизии. Вот текст выступления. Он не признает законность ГКЧП. Призывает сопротивляться узурпации власти...

Все молчат, не зная, как реагировать.

Наконец, кто-то из редколлегии робко-испуганно предлагает:

– А может, давайте напишем лояльное письмо в ГКЧП? Мы вас уважаем. Считаем, что вы в трудный момент нашей истории приняли на себя сложное решение...

Но примирительная речь прервана в самом начале. Поднимается редактор отдела рабочей молодежи и одновременно директор центра коммерческих инициатив Владимир Протасов. Человек он непростой, резкий. И это видно даже по его внешности. Весь он состоит из каких-то острых углов – костистое лицо, угловатые очки, жесткие плечи под модным блестящим пиджаком:

– Я думаю, уважаемое собрание, что никакого письма писать не надо. Не надо идти на поклон к этим упырям! Они захватили власть, совершили переворот. Это же подсудное дело! Они преступники! А мы к ним с письмецом. Разрешите нам жить и работать. То-то мы их порадуем. Вот и журналисты приползли. Смутьяны покорились. Я думаю, что в этой

ситуации нам надо выступить с другой инициативой. К журналистам – давайте вместе сделаем другую газету, раз уж нашу молодежку запретили печатать. Начнем делать материалы для других газет, которые не запрещены...

– Точно!

– Не надо нам идти на поклон!

Вот уж точно пел Высоцкий: «Настоящих буйных мало. Вот и нету вожаков». В редакции такой буйный нашелся. И настроение сразу переменялось. Народ загудел, зашумел в том смысле, что не бывать им в холопах у ГКЧП.

Тут кто-то из зала сообщил:

– Журналисты из других изданий, которые тоже запретили печатать, решили издавать «Общую газету». Мне уже звонили. Предлагают примкнуть к ним.

– Я думаю! – снова взял инициативу в свои руки главный редактор Владик Хромцов. – Надо подготовить постановление общего собрания нашего трудового коллектива. О том, что мы не подчиняемся незаконному распоряжению ГКЧП. И оставляем за собою право на любые законные действия, направленные на восстановление наших погранных прав. Не будем расходиться из редакции. Начнем собирать информацию. И снабжать ею «Общую газету». А также готовить свои номера. И добиваться, чтобы газету начали печатать.

Дубравин, который чувствовал себя новичком в этом блестящем собрании «золотых перьев» отечественной журналистики, все-таки осмелился подать голос:

– Я вот что предлагаю! – прокашлявшись, негромким голосом сказал он. – Я тут созванивался с собкорами на местах. Они толком там на периферии ничего не знают о том, что происходит здесь, в Москве. Информации, в общем, ноль. А местные газеты выходят. Так, может, нам следует собирать и готовить здесь материалы для периферийных изданий. Связь работает. Отправлять их в Пензу, Алма-Ату, Воронеж. Везде, где есть наши корпункты. И пусть они их там печатают. А? Ребята?

– Молоток, Санька!

– Додумался же!

– А что? Так и надо сделать! – заметила баба Катя из бюро и, обращаясь к своим девчонкам-стенографисткам, спросила: – Ну, что? Передадим, девочки?

Так и решили.

Собрание начало расходиться. Народ, переговариваясь, потянулся по длинному коридору. А Дубравин, быстро лавируя между расходящимися, устремился к себе в отдел. И уже через несколько минут там заработали, затрещали телефоны, начал прожевывать бумагу (последнее слово техники) единственный на всю редакцию факсимильный аппарат.

Редакция, эта огромная информационная машина постояла, постояла, а затем провернулась и... заработала. Каждый делал, что умел. И что мог. Лёха Косулин пролез в Белый дом. Танька Белёная поехала в больницу Склифосовского, где якобы лежали раненные. Кто-то пошел к танкистам у здания издательства. Кто-то сел писать очередную заметку.

Началась движуха.

Сам Дубравин с девчонками-референтами из своего отдела «сел на телефоны». И уже через минуту в коридоре редакции можно было услышать его негромкий, но напористый голос в разговоре с Красноярском:

– Вася! Нелюбин! Ты меня слышишь? Слышишь?! Принимай материал! Записывай! Опубликуй его в своей газете! Да! Да! Даром отдаем! Пусть народ знает, что у нас тут происходит! А что происходит? Танки у нас стоят во дворе и на улице перед издательством. Танки! Пиши, Вася! Пиши по буквам!

Только закончил с Васей, девочка-референт Ольга, круглолицая, голубоглазая полненькая москвичка подает другую телефонную трубку:

– Тбилиси! Минеладзе!

– Эй, князь, проспишь! Слезай с дивана! Или ты не на диване? А на ком? На девушке? Все равно слезай! Кончай пить хванчкару! Принимай информацию из России! Из Москвы!

III

Огромный «летающий сарай» – грузовой Ил-76, начал делать разворот и мягко накренился на крыло. Десантники, те, кто сидел на деревянных скамейках вдоль отсека, прилипли к круглым окошкам. Когда еще увидишь панораму великого города с высоты? Через секунду с разных сторон раздались удивленные и испуганные голоса:

– Ты смотри!

– А что это такое?

– Это что? Война?!

Капитан Казаков тоже повернулся и прилип носом к стеклу. С высоты выше птичьего полета, как на ладони, ему стали видны темно-зеленые острова подмосковных лесов, подходящие прямо к ним серые панельные многоэтажки спальных районов, длинные ряды маленьких домиков разноцветных дачных кооперативов. И прямые, прорезавшие все пространство дороги к столице. Вот на них-то и творилось невероятное.

Все дороги, насколько можно было увидеть отсюда, забиты военной техникой. С разных сторон, извиваясь и пыля, как гигантские стальные сочлененные змеи, ползут к Московской кольцевой танковые колонны, колонны бронетранспортеров, крытые брезентом армейские грузовики, радиостанции и санитарные фургоны.

– Ё-моё! – бормочет сидящий рядом с ним на скамейке ошеломленный молоденький розовощекий лейтенант.

В эту минуту включается внутрибортовая связь. И пилот, видимо, еще не разглядевший землю, шутит, подражая голосу бортпроводниц гражданских лайнеров. Он пискляво произносит:

– Уважные пассажиры! Мы приближаемся и готовимся к посадке в столице нашей Родины городе-герое Москве. Москва основана князем Юрием Долгоруким в тысяча сто сорок седьмом году. Ее население составляет более девяти миллионов человек...

Но тут связь прерывается. Наступает гробовая тишина. Правда, через пару минут пилот снова включается. Видимо, решает закончить шутливый монолог. Но теперь в голосе его уже не слышно мажорных нот. Он звучит как-то глухо и торопливо:

– Прошу поднять спинки кресел. Пристегнуть привязные ремни. И приготовиться к посадке...

– Да тут, похоже, какая-то хрень происходит! – говорит сосед справа, поправляя сбившуюся под ремнем камуфляжную куртку. – Не зря же нас так срочно сорвали с летнего лагеря в Краснодаре.

* * *

Приземляются они в подмосковном Жуковском. На пустом аэродроме испытателей.

Здесь, на огромном поле, одиноко стоят встык несколько автобусов. Возле них прогуливается командир группы спецназа генерал-майор Виктор Карнаухин.

Их «грузовик» тормозит прямо рядом с ним. Парни высаживаются на бетонку через десантную панель. И строятся в два ряда у автобусов.

Звучит короткая речь командира перед офицерским строем:

– Товарищи офицеры! Сегодня утром в Москве создан Государственный комитет по чрезвычайному положению. В его состав вошли видные руководители партии и государства. Этим комитетом принято решение о введении в столице чрезвычайного положения. Нам, работникам комитета государственной безопасности, поручено нашим председателем товарищем Крючковым...

– Председателем или предателем? – шепчет стоящий рядом с Анатолием молодой лейтенант.

Командир запнулся, словно услышал шепот лейтенанта. Но продолжил через секунду:

– ...обеспечить выполнение мероприятий по нейтрализации определенных элементов, пытающихся раскачать обстановку путем провокаций...

* * *

Анатолий по дороге на базу, уже сидя в автобусе со шторками, рядом со своими товарищами, все пытается осмыслить происходящее, составить какую-то внятную позицию по этому вопросу. Но недостаток информации сбивает его с толку и не дает построить более-менее приемлемую картину событий. Глядя на напряженные лица других офицеров, он понимает, что у них в головах идет такая же самая, сложная мыслительная, но безрезультатная работа. В конце концов, он понимает, что разобраться в происходящем вот так с ходу у них не получится. И решает просто ждать, что будет дальше.

Тем более что капитан уже давно привык не задавать лишних вопросов. Годы работы в конторе глубокого бурения не прошли даром.

* * *

После ранения он долго валялся в госпиталях. Потом начались санаторно-курортные страдания. Восстановление шло медленно. И когда он вернулся к себе в управление в Алма-Ату, многое уже изменилось в Казахстане. Участники событий восьмидесят шестого года начали возвращаться из тюрем домой. Казахский народ им сочувствовал. Доблестные защитники правопорядка стали «сатрапами и палачами». В местном комитете разброд и шатание.

Никто не хотел быть крайним. Тем, на кого скоро скинут все ошибки и преступления. И повесят, образно говоря, «всех собак». А дело уже шло к этому. Политическая обстановка накалялась с каждым месяцем.

Весной этого года он взял отпуск. И махнул сюда, в Москву, где снова встретился со своим старым другом Алексеем Пономаревым. Тот, после полученного в Каскаде боевого крещения, перебрался поближе к отцу. И перешел на работу в девятое управление. То самое, которое занимается охраной высших должностных лиц государства. После стажировки его перевели в «личку» генерального секретаря. Работа шевутная. Михаил Сергеевич совсем не похож на прежних хозяев страны. Любит общаться с народом. Чем весьма напрягает охрану.

Но они справляются.

Тем более что комплекс охранных мероприятий включает в себя не только собственно охрану тела, но и сбор информации и даже разведку и контрразведку. То есть «девятка» – такая отдельная спецслужба в миниатюре. И там можно найти применение любым твоим талантам.

Они хорошо посидели с Алексеем вдвоем у него на квартире. Поговорили обо всем происходящем как на личном фронте, так и в обществе. Конечно, как и все непосредственные участники великих событий, они не могли до конца оценить масштаб происходящего у них на глазах. Но даже то, что они знали, пугало.

– Старик! Ты не представляешь, что творилось в Баку! – подливая Анатолию в маленькую, но тяжелую хрустальную рюмку очередную порцию беленькой, бормотал уже нагруженный рыжий Алексей. – Людей обливали бензином. И поджигали. Тащили на верхние этажи зданий. И выбрасывали из окон на асфальт. Вот как себя показал наш великий советский многонациональный народ. Так что, старичок, то, что было в восьмидесят шестом в Алма-Ате, – это цветочки. Ягодки впереди. И что бы у вас было сейчас, если бы в восьмиде-

сят шестом не дали разгону, я не знаю. Может, хуже, чем в Баку, было бы? А ты себя коришь. Гуманистом стал! Демократом! Э-э-э-эх! Давай лучше выпьем. За, – он задумался, – за что мы еще не пили?

– За Родину, за Россию! – подсказал Анатолий.

– Во-во! Давай за нее!

Выпили хорошо. Закусили салом и еще чем бог послал.

– Ну а шеф-то твой как? Как себя показывает? – не удержался, спросил Казаков, понимаемая, конечно, не непосредственного начальника, а самого генерального секретаря.

– Охраняемое лицо? – ответил вопросом на вопрос Алексей. – Он прямо родился генсеком, как говорит его личный телохранитель. Трудоголик. Пашет, как проклятый. Мы-то, охрана, знаем, что у него работа начинается рано утром. А заканчивается часто за полночь.

– Ну, да по телевизору показывают!

– Брешет все твой телевизор! – неожиданно резко прорывает Алексея. Видно, что в нем что-то забушевало и рвется наружу. – Он как страус! Страна валится! А он голову в песок, чтобы не видеть!

– Ну, ты чё, как-то не в восторге вроде от него?

– А кто в восторге? Вроде начал хорошо. Гласность. Перестройка! Борьба с пьянством. Уря! Уря! А потом?! Эх. Понимаешь, Толян. Царь силен мнением народным. Так вот, мнение народное сегодня переменялось. И шеф наш очень даже... – Алексей не закончил фразу, по-видимому, пытаясь подыскать соответствующее слово, обозначающее поведение Михаила Сергеевича. Остановился. Подумал. И закончил: – У него синдром то ли словоблудия, то ли слабоволия. И поэтому налицо все симптомы слабовласти.

Так поговорили. Анатолий побродил по весенней Москве. Встретился еще с парой друзей-однокурсников. И уехал обратно в Алма-Ату. Он, в сущности, ни о чем даже не просил Пономарева. Но в том-то, наверное, и сила настоящей мужской дружбы, что друзья понимают тебя с полуслова.

Алексей поговорил с отцом. Пономарев-старший как раз только вошел в полную силу. Система еще работала. Через месяц из центрального аппарата пришел приказ «откомандировать в столицу старшего оперуполномоченного республиканского комитета государственной безопасности Анатолия Николаевича Казакова в распоряжение управления кадров».

Теплого места не дали. Предложили перейти в антитеррористическую группу. Подразделение страшно засекреченное, даже для такого ведомства, как комитет.

Уже полгода он в спецназе. Живет в офицерском общежитии. Постоянно тренируется. И ждет боевых заданий.

Он уже много знает и о Вильнюсе, и о Тбилиси. Но делать нечего. Это все равно лучше, чем ждать у моря погоды в Казахстане. Как-никак, кругом свои. Тем более что в группе подобрались мужики серьезные, положительные. А главное – профессионалы, как и он сам.

И у них действительно спаянный, дружный коллектив. Не подразделение, которое, как часто бывает в армии, держится только на командах и дисциплине, а коллектив людей, спаянных общей тяжелой и очень опасной работой.

Они только что пережили смерть товарища, которого сзади в спину застрелил в Вильнюсе литовский снайпер. Но не озлобились, не впали в испепеляющую ненависть ко всем «дерьмократам». И в любой ситуации вели себя сдержанно и разумно.

Сейчас их группу срочно собрали по тревоге. Погрузили в самолет. И перебросили с учебной базы в Краснодарском крае сюда на подмогу какому-то странному ГКЧП.

Их зашторенные автобусы спустились с Лыткаринского моста на автотрассу и неторопливо, вместе с колонной бронетехники поплыли в сторону центра столицы.

Москва, словно большое горячее сердце страны, бьется в лихорадке путча.

Грохочут гусеницами рядом с их автобусом танки. Натужно режут моторами боевые машины пехоты. Из грузовиков показываются молоденькие лица солдатиков. Станным диссонансом выглядит лавирующий между этими серо-зелеными мастодонтами невесть откуда взявшийся красный «Запорожец» с привязанной на крыше дачной лесенкой.

А по обочинам стоят, нарушая мирный ландшафт, десятки вышедших из строя боевых машин. По двое-трое скучились в кюветах танки и БМД. А по ним лезят растерянные и чумазные мальчишки – солдаты советской армии.

Невеселые мысли одолевают Анатолия и его товарищей и тогда, когда они, наконец, уходят с основной магистрали и, преодолев Кольцевую, начинают окружными путями пробираться к своей городской базе. Что их ждет впереди? Какая задача? Какая судьба?

* * *

Засаду они организовали по всем правилам. Автобус отогнали в лесок. Поставили, как говорится, «под березовый кусток». Сами расположились за деревьями и замаскировались.

Анатолий Казаков, прежде чем занять свое расчетное место, отошел по нужде на десяток метров в сторонку. И уже оттуда удовлетворенно осмотрел позицию их группы. Сработано профессионально. Четко. Даже отсюда ничего не заметно. А уж с дороги, из машин – точно никто ничего не разглядит. И все бы хорошо. Задача поставлена. Выполнение ее начато удачно. А вот грызет его, зудит в голове тревожная неприятная мысль: правильно ли они делают? И как все это может обернуться?

Дело, собственно, в том, что по прибытии на базу усталый и слегка расстроенный, как показалось всем, командир сказал:

– Выдвигайтесь по Калужскому шоссе. Вот сюда! – генерал-майор показал на большой карте, куда надо выдвинуться. – Это Архангельское. Здесь по данным разведки сейчас находится Ельцин со своими соратниками. Из госдачи идет асфальтированная дорога в сторону Москвы. Километра три лесом. За деревьями укроетесь. Сделаете засаду. Если Ельцин со своими людьми захочет выехать из Архангельского, вы арестуете его. Остановите машину. И арестуете.

– Ну а если они не остановятся? Начнут сопротивляться? – спросил тогда командира Сергей Горчаков, которому было поручено руководить операцией.

– Тогда действуйте по обстоятельствам...

– По обстоятельствам – это как? – захотел уточнить Сергей. И на лице его появилось недоуменное выражение.

– Так! – неопределенно ответил генерал. И это «так!» прозвучало одновременно угрожающе и как-то беспомощно.

Казаков, тоже приглашенный на совещание, подумал: «Что-то здесь туманно. Собрались люди военные, привыкшие к вещам однозначным, простым и ясным. А тут “по обстоятельствам”. Командир не хочет брать на себя ответственность. Наверное, и те, кто дал ему этот приказ, – тоже. Очень похоже на Тбилиси. Сначала приказывают, а потом от своих слов отказываются».

Видимо, сообразив, что нельзя отпускать людей с такими установками, Карнаухин добавил от себя:

– На месте определитесь. Если что не так, сообщите мне по рации. Тогда и примем решение. – И так резко: – Все свободны! Выполняйте!

– Есть!

Они, конечно, щелкнули каблуками в кабинете начальника, но по дороге из Москвы долго недоумевали над странными формулировками приказа. И выглядывая из-за занавесок автобуса, переговаривались между собой.

Всю жизнь им вдалбливали, что дисциплина прежде всего. И их задача – любой ценой выполнить приказ. Приказ, который не обсуждается. А тут вот приходится думать. И от этого в головах полный раскардаш. И опасение, что на них в очередной раз скинут преступление или ошибку политиков.

Опять улицы. Пыхтя и чадя, с грохотом, теперь уже навстречу им все еще тащится в город боевая техника. Правда, заглохшие, сломанные танки и БМП уже не стоят в кюветах и на обочинах. Видно, по чьему-то распоряжению их стаскивают в отдельное место. На стоянку возле Хованского кладбища.

На месте установили связь по рации. И стали ждать.

Анатолий удобно устроился на плащ-палатке в передовом дозоре. Рядом с ним лежит в кустиках старший лейтенант Мишка Петров.

Их задача, заметив на шоссе машины, сообщить группе захвата, что объект выехал. А затем, в случае необходимости, бежать к месту остановки. И действовать по обстоятельствам.

Казаков прикладывает к глазам окуляры мощного двадцатикратного морского бинокля. И сразу все приближается на расстояние вытянутой руки. Пустынная дорога, по которой в сторону госдач медленно-медленно ползет одинокий велосипедист-грибник. Кусты брусники с соблазнительно выглянувшими из-под листочков ягодами. Серая птичка-невеличка, присевшая на придорожную сосну.

Лесная тишина неожиданно прерывается кукушкой:

– Ку-ку, ку-ку!

По детской привычке капитан Казаков начинает считать. И в это время где-то со стороны Москвы слышится далекий звук мотора. Оживает рация. В наушнике слышен голос Горчакова:

– От Москвы следует персональная «Чайка» президента РСФСР. Пропускаем!

Через минуту мимо них, шурша по серому асфальту шинами, проплывает нарядная черная с никелированными стальными бамперами и молдингами «Чайка». В бинокль он совсем рядом видит напряженное лицо пожилого водителя.

И снова тишина. Ожидание. Но теперь уже не спокойное, расслабленное. А тревожное, напряженное, готовое взорваться криками, выстрелами, стонами раненых.

Анатолий смотрит на свои командирские часы с большой красной звездой на циферблате. Девятнадцатое августа. Почти полдень. Хочется есть.

И раз! Лес гудит. От Архангельского этот гул летит прямо на них. Через секунду в окуляры бинокля он видит несущуюся на огромной скорости автоколонну. Впереди кортежа две черные «Волги». За ними та самая «Чайка». И сзади нее еще несколько разномастных легковых машин.

На всех укреплены и гордо развеваются трехцветные российские флаги.

Колонна приближается. Казаков, от волнения что ли, коротко шепчет в микрофон рации:

– Едут!

И встает, замирает в тревожном ожидании. Что сейчас будет?

Мишка Петров тоже встает с палатки. Отряхивает налипшие на камуфляж веточки-листочки и неожиданно говорит:

– КГБ.

– Что КГБ? – механически переспрашивает его Анатолий, а сам ожидает каждую секунду хлопков выстрелов оттуда, куда умчался мимо них кортеж.

– Ну, так можно легко запомнить цвета российского флага, – отвечает напарник, поднимая автомат с земли. – Красный, голубой, белый, – и добавляет: – Пойдем, что ли? Похоже, наши их пропустили.

По дороге к основной группе он со вздохом говорит шагающему впереди по бурелому Казакову:

– Этим-то все понятно. В отличие от нас!

У собравшейся возле автобуса группы стоит военного покроя УАЗик. Приехал на подмогу подполковник Грачухин. Огромный, как медведь, он тоже в камуфляже. Но под комбинезоном у него почему-то десантный тельник. А на голове голубой берет. Он дает команду садиться в автобус. Народ собирает вещички. И пока они усаживаются, подполковник разъясняет прямо в салоне новую задачу:

– Мы перехватили разговор Ельцина с Грачевым. Генерал Грачев обещал господину Ельцину охрану. Вот под видом этой самой охраны мы сейчас и нагрянем на его дачу в Архангельском.

«Казаки-разбойники, – раздраженно думает про себя Анатолий. – Развели тут игры. А мы отдувайся. Что-то все крутят. Ведь Ельцин-то уехал. Птичка-то улетела. Ладно, наше дело телячье».

Двигаются по лесу недолго. А вот и контрольно-пропускной пункт. Полосатая металлическая труба шлагбаума, домик охраны, высоченный глухой зеленый дощатый забор.

Грачухин молодцевато выскакивает из автобуса. Навстречу ему выходит плотный, но подтянутый офицер в мундирчике с иголки и в белой парадной рубашке. Отдает честь. Анатолию только слышно из всего разговора:

– Прибыли по распоряжению генерала Грачева, – и подполковник протягивает дежурному новенькое, только выписанное удостоверение десантника.

«Какие, к черту, из нас десантники! Там молодые пацаны. А здесь у нас в автобусе здоровые, зрелые мужики. Маскарад, да и только!»

Но офицер охраны, как ни в чем не бывало, разворачивается и идет «звонить начальству».

Проходит несколько минут. Часовой в сторожевой будке отставляет автомат в сторону и выходит к шлагбауму. Из-за угла дома показывается давешний офицер. Он машет им рукою. Мол, заезжайте. А потом подходит к подкатившему во двор автобусу. Поднимается в салон. И как-то фальшиво радостно объявляет:

– А мы вас ждали! Даже обед для вас заготовили. Милости прошу в столовую. Перекусите!

Ни у кого из спецназовцев с самого утра не было и маковой росинки во рту. Так что все радостно зашевелились, загудели. «Во правильно! Здорово!»

Немного замялись на выходе. Брать ли с собой личное оружие? Но, в конце концов, оставили стволы в салоне.

Столовая – длинное, барачного типа здание, встретила их запахом украинского борща и улыбками симпатичных миловидных раздатчиц.

Голодный народ еще только рассаживается за накрытыми цветными скатерками столами, а девчонки уже везут на тележках салаты оливье, борщи с пампушками.

Тут все накидываются на еду. Оживляются. Ну а когда на второе появляется баранья грудинка с гречкой, народ просит пригласить в зал шеф-повара.

Вышли и шеф – полная, домашняя, красивая русская женщина в колпаке, и заведующая залом – маленькая, худенькая армянка в белом фартуке.

Благодарили их оголодавшие мужики действительно от души. Что ни говори – война войной, а обед по расписанию.

Перед выходом все ребята прихватили по несколько краснобоких яблок. Они стояли в больших вазах на столах.

В общем, угостили их прямо царским обедом.

Все снова погрузились в автобус. И так пару часов сидели подремывая, покуривая и переваривая.

Потом «десантный» подполковник побежал звонить начальству. Начальство подало команду: «Отбой!»

И автобус с их печальными и сонными физиономиями тронулся обратно в Москву. На базу.

Архангельское проводило их радостными улыбками. Искренними, в отличие от тех, которыми встречало.

«Вот уж точно игра в казаки-разбойники!» – думает он, задремывая у окна.

* * *

Белый дом отсюда похож на такой огромный-преогромный белый праздничный торт. Стоит он на набережной, как на зеленой скатерти. Нижние этажи усеяны сотами-окнами. А наверху башня – вафельный стаканчик, над которым развевается российский триколор.

А вокруг этого торта жужжит, шевелится, гудит, похожая на осиный рой, человеческая толпа. Подъезжают и отъезжают жуки-машины. Рабочие пчелы ташат, строят, складывают что-то на мосту.

«Баррикады строят», – думает капитан Казаков, разглядывая в свой бинокль это хаотичное броуновское движение на улицах перед штабом сопротивления.

«И как нам туда пробраться? Ведь они там все друг друга подозревают. И кидаются на каждого с арматурой и палками. Не шпион ли ГКЧП?»

Он отходит от окна гостиничного номера. Аккуратно закрывает штору. Здесь на двадцатом этаже гостиницы «Украина» теперь один из их штабов.

Начальство поставило задачу – проникнуть в Белый дом. И его группа изучает подходы и возможности такого рейда.

– А что, если попробовать пройти туда через канализацию? – делает новое предложение Петров. – Вот же есть схема. Если добраться отсюда до проспекта, потом взять проводника из числа специалистов. И по системе подземных туннелей мы окажемся вот здесь! – он показывает пальцем на нарисованную от руки схему коммуникаций Белого дома.

Собравшиеся – пятеро бойцов группы, одетые в легкие спортивные костюмы и кожаные куртки встречают предложение без энтузиазма.

Ну, если получится, вылезут они где-то внутри этого торта. А что скажут? Как объяснят свое присутствие? Мол, пришли посмотреть, чем вы тут занимаетесь? Да их там на куски разорвут.

Задача. Над ней они бьются уже три часа.

В номер входит начальник их отделения красавец мужчина подполковник Горчаков. Он тоже одет в гражданское «платье». Видно, что оно ему не в пору и неудобно. Серый пиджак тесноват, а рукава коротковаты. Но настроен он бодро.

– Ну, вот что, ребята! – без церемоний заявляет он с порога. – Повезло нам! Наши перехватили телефонные переговоры из Дома Правительства. Из них следует, что нынешние обитатели хотят наладить радиотрансляцию новостей из этого «осинового гнезда». Им нужна бригада связистов, которая должна вывести динамики на улицу. Кто из вас может участвовать в этом деле?

– Я могу! – особо не задумываясь отвечает на вопрос командира Казаков. И добавляет, объясняя свою инициативу: – Я же учился в Московском инженерно-физическом. В юности увлекался радиомоделированием. Прошел курс радиомонтажника перед работой на американской выставке в Алма-Ате. Опыт вроде есть. Работал там в составе бригады электриков и радиомонтеров.

– Во! То, что нам надо! Вы, ребята, сидите, наблюдайте. А ты, капитан, давай за мной!

* * *

Бригада сидит на чемоданчиках в огромном холле гостиницы. Анатолий профессиональным взглядом оглядывает всю четверку. Обычные работяги. Старший, с которым его только что познакомили, похож на Никиту Хрущева. Маленький, лысый, но жутко энергичный, подвижный, как ртуть.

– Иван Фёдоров! – коротко пожимая ему руку, представляется Анатолий вымышленным именем.

– Никита Петрович! – взаимобразно отзывается старший. – А это Миша, Алёха и Фёдорыч. Ребята надежные, все профессионалы, – с гордостью добавляет он.

Анатолий еще раз пристально оглядывает одетых в одинаковые синие с надписями рубы радиомонтажников. Понимает, что он на их фоне выглядит несколько странновато. Спортивный костюм еще туда-сюда, а вот кожанка не вяжется с его новым амплуа.

– А у вас для меня такой же курточки не найдется? – спрашивает он Никиту Петровича.

– Как не найдется, – с готовностью отзывается тот. – Сейчас подберем.

У черного входа в гостиницу уже стоит полноприводная синяя «буханка». Они молча устраиваются на жестких деревянных скамьях. И машина, скрежеща металлическими внутренностями, трогается вперед.

Мелькают дома, вода. Несколько разворотов. Проезд по набережной. И они уже на мосту через Москва-реку.

Их останавливают у баррикады.

– Недолго музыка играла. Недолго Петя танцевал! – говорит старшой и отодвигает дверь. Выходит из машины. На переговоры.

Анатолий и остальные ребята молча разглядывают открывшуюся панораму. Судя по всему, на баррикады тащат все, что попадает под руку на улицах, и все, что можно вытащить из близлежащих домов. Анатолий успевает отметить, что в основании баррикады свалено несколько бревен, которые перегородили проезжую часть. А на них лежат – старый холодильник, куски металлического забора, полосатая торговая палатка, сваленный набок газетный киоск с разбитыми стеклами. И еще много чего.

Анатолий, разглядывая это хозяйство, внутренне усмехается: «Когда пойдут танки, разве это их сдержит? Эх! Лапотники!» Но через секунду-другую сердце его тягостно сжимается от нехорошего предчувствия. На баррикаде стоят простые рядовые москвичи. Такие же, как и он сам, молодые ребята в спортивных куртках. Одни кучкуются, курят свои сигареты, что-то обсуждают. Другие продолжают упорно укреплять завал. Третьи, собравшись небольшой толпой, внимательно слушают стоящего в центре пожилого мужчину-агитатора.

«Может, и Шурка Дубравин здесь! – неожиданно думает Казаков. – Наверняка здесь! А где же ему еще быть? Журналисту-перестройщику! Может, и другие знакомые тут есть. Ишь, как жужжат. Того и гляди ужалят. Они за кого? Выходит, за Ельцина! За демократов. А мы? Ну, предположим, что мы ни за кого. У нас присяга. Приказ, в конце концов!»

Анатолий тяжело вздыхает. Глокает набежавшую слюну. «А есть ли у нас выбор?»

Наконец, вернулся, матерясь во всю глотку, старшой. Плюхнулся на скамейку напротив:

– Засранцы, молокососы! Я им объясняю, что нас ждут в Белом доме. Что Филатов нас вызвал, чтобы, значит, вывести радио наружу. Для них же. Чтобы информацию могли получать. О происходящем. Нет. Ни хрена. Не пропускают. У них тут какая-то сплошная шпиономания! – Помолчал. – Старший у них какой-то сопляк. Важный, слов нет. Я не могу нарушить инструкцию! Мне не поступало никаких распоряжений! Тьфу! Блин! – И водителю через стекло: – Петя! Разворачивай! Давай в объезд! Через Калининский.

Снова за окном панорама пустого города. Мелькают дома, люди, витрины, патрули, танки, прижавшиеся к обочинам. Пару раз их останавливают. Старшой бегаёт куда-то звонить. Их пропускают.

И, наконец, «буханка» паркуется во дворе большого красивого дома номер тридцать один на Калининском проспекте. Ребята быстро разбирают свои чемоданчики. Анатолий прихватывает еще моток кабеля. И они через подземный переход проходят к зданию Совета экономической взаимопомощи.

Анатолий на секунду отстает от ребят. Оглядывается вокруг. Высоченное стеклянно-алюминиевое здание СЭВ похоже на гигантскую, поставленную торчком, раскрытую книгу. И вообще, отсюда, с площадки, весь район как на ладони. Он даже представляет, как сейчас с двадцатого этажа сталинской высотки-гостиницы за ним наблюдают в бинокль подполковник и ребята из группы. И даже легонько машет им рукой.

Здесь на пандусе-площадке у СЭВа их встречает провожатый, который и должен отвести в «белый муравейник».

– Ну, что, все на месте? – спрашивает старшого бородатый, курносый мужичонка в коротком плаще и с черной папочкой под мышкой.

– Все! – за старшого отвечает длинный, носатый Фёдорыч. И, смачно выплюнув на асфальт недокуренный бычок, яростно затаптывает его.

– Тогда пошли! – командует встречающий. И быстро устремляется через дорогу.

Пока идут, Анатолий профессиональным взглядом еще раз окидывает баррикады, тоненькие цепочки вооруженных чем попало людей у главного входа. Прикидывает. Баррикады разнесут с ходу. Танками. Минутное дело. Они прорываются ко входам. Двери можно легко пробить взрывчаткой. Или садануть их гранатометом. А дальше внутрь. И вверх по лестницам. Подполковник Горчаков рассказывал им, как брали дворец Хафизуллы Амина в

Кабуле. Влетаешь в комнату – и сразу очередь по шкафам. Не скрылся ли кто? Так же, очередью, срезали и самого Амина, когда он выскочил из реанимации весь в трубках и иглах. Ему как раз делали переливание...

Здесь все намного проще. Если бы не одно «но». Люди! Люди! Защитники! Их тут тысячи. Смешные. Со своими дубинками, арматурой, кострами из баррикад, полевыми кухнями. И настроены они очень даже решительно.

Не уйдут!

Он представил себе, как они, спецназовцы, бегут вверх по белым лестницам, залитым красной кровью. Как скользят их ботинки в этих лужах.

А это не дворец Амина! Это Москва! И это не туземцы – это москвичи и примкнувшие к ним ростовчане, владимирцы, рязанцы, тверичи. Советские. Будет баня. Кровавая баня. И бойня!

И может, ему самому, Анатолию Казакову, придется убить и вот этого студента в спортивной синей шапочке. И белобрысую девчонку, прилипшую к нему. И живописного ряженого казачка в мундире с шевронами и фуражке.

От таких мыслей кружится голова. И становится по-настоящему страшно.

«Народ нам никогда не простит! А как потом с этим жить? Да на улицу не выйдешь!»

У входа в Белый дом постовые попытались получить с них документы. Но провожатый небрежно кинул:

– Костя! Это со мной! Радио будут проводить!

И их пропустили в широченные дубовые двери.

Коридоры внутри Белого дома везде перегорожены мебелью. Опрокинутыми шкафами, столами, креслами.

«Наши хотят атаковать ночью. Народу, мол, меньше будет. Свет вырубим. Но если бежать по такому коридору в темноте, то можно переломать ноги об эту полосу препятствий.

Так, кажется, пятый этаж. Здесь, по нашей информации, где-то заседает и сам Ельцин. Но нам не сюда! А в радиорубку».

У дверей радиорубки на одиннадцатом этаже их встретил какой-то седовласый, интеллигентного вида мужчина. В сереньком костюме. Видно, из демократов. Или депутатов.

В то время мало кого из людей Ельцина знали в лицо. Но Анатолий профессионал. И сразу определил: «Кажется, Филатов».

– Здесь в рубке находится наш информационный центр. Нам бы хотелось, чтобы голос диктора звучал не только внутри здания, но и люди, собравшиеся снаружи, могли получать информацию, – обратился к бригаде будущий глава администрации Президента России. – Следовательно, надо установить динамики и на здании.

* * *

Установить, так установить. Анатолий с напарником – длинным, носатым Фёдорычем, тянут по этажу кабель. Сам бригадир крепит с ребятами динамики.

Работа самая простецкая. В чем-то даже примитивная. Сделали они ее быстро.

Что ж, как говорится, дело мастера боится. Не прошло и часа, как выставленная в окно Белого дома «радиотарелка» забормотала, захрюкала и начала выбрасывать туда, вниз, в темноту последние новости.

– Надо бы проверить, как там внизу слышно, – говорит старшой, складывая в свой монтажный чемоданчик плоскогубцы и отвертки. – Иван, сходи! Если что, покричишь нам.

Перед тем как спуститься вниз, Казаков заходит в туалет. Там открывает окошко и выглядывает с высоты восьмого этажа вниз на улицу. Тут уже поздний осенний вечер. Тянет ветерком, который слегка попахивает дымом от костров. Их жгут защитники. С улицы все

также глухо раздаются голоса людей. Он прислушивается к своему радио. Сначала передавали очередной указ Ельцина. Потом его прервали. И какой-то депутат, назвавшийся Славой Волковым, стал рассказывать по телефону из Крыма об обстановке вокруг дачи Горбачёва в Форосе:

– Вокруг дачи стоят наряды пограничников с собаками. В море патрульные корабли... Капитан Казаков не стал дослушивать путаный рассказ депутата-не депутата, а поспешил вниз к выходу.

Ему надо срочно возвращаться к своим, чтобы доложить обстановку.

Обратный путь затруднений не вызвал. Было не до него. По рядам защитников прошлась в очередной, наверное, сотый раз тревожная весть: «Идут на штурм!» И они всю свою бдительность обратили в сторону городских улиц, ожидая оттуда гула моторов и лязга гусениц.

А он, как тень, проскользнул мимо их баррикад и цепей и вышел на мост.

Сейчас для него самым важным было правильно рассказать об увиденном отцам-командирам. Не просто бесстрастно доложить обстановку, а донести до них его видение и тревогу. Настрой осажденных. И то, что, по его мнению, может произойти в результате штурма.

Не правда, что спецназ ничего не боится. Ты можешь в бою проявить невиданные чудеса храбрости. А в обыденной жизни спасовать. Скрыть от начальства свое мнение. Тем более что им никто и не интересуется. А в некоторых случаях тебе лучше «не смей это мнение иметь».

Но здесь особый случай. И уже подходя к гостинице, он после долгих колебаний все-таки решил рискнуть.

В штабе никого уже нет. Встретил его только хмурый подполковник Горчаков. Он как-то неохотно, морща красивое лицо, выслушал рассказ лазутчика. Всем своим видом он словно хотел сказать: «Я-то тебя понимаю! Твое волнение, твой страх. Но там, наверху, уже приняли решение. И его не отменить».

Когда Анатолий закончил, он, вздохнув, произнес:

– Поступил приказ – выходить в район сосредоточения! Все разъехались. Начался отсчет времени! – и вдруг просто по-человечески добавил: – Не нравится мне все это!

«Видно, ему тоже приходится несладко, – подумал Казаков. – Но и промолчать нельзя. Перед ним тоже выбор».

– Позвоню я все-таки начальству. Доложусь, – словно решив что-то для себя, добавил подполковник.

Он вышел в соседнюю комнату. К аппарату. И через минуту Анатолий услышал, как он твердо-басовито говорит кому-то в трубку:

– Да, наш разведчик только что оттуда. Кругом люди. Тысячи людей! Настроены очень решительно. Крови не избежать. Большой крови.

Потом наступила пауза. Видимо, на том конце провода давали указания.

– Слушаюсь! Есть выполнять! Будем выполнять! Продолжим разведку. Да, люди готовы! Нужно провести новую рекогносцировку. Может быть, стоит изменить план? И попытаться подняться туда из подвалов? Там очень серьезные подвалы. Группа наших разведчиков пытается сейчас найти проход к Белому дому от линии метрополитена. Между станциями «Краснопресненская» и «Киевская»...

Снова молчание.

– На пятом этаже! Там находится кабинет Ельцина. Но на подходах везде нагромождены баррикады из мебели. Но, по нашим данным, он там не ночует. Где? В подвале. И постоянно меняет места ночевки. Слушаюсь! Будет сделано!

Дослушав разговор, Казаков облегченно вздыхает. Правильно он сделал, что сказал все. Снял тяжесть с души. Теперь это уже не его ответственность. И он даже усмехается, вспоминая старый еврейский анекдот: «Пусть теперь Сруль повошкается!»

* * *

Вторая ночь ожидания.

В полной экипировке сидят они рядком на скамеечке. Бронежилеты застегнуты. Автоматы заряжены. Ножи в ножнах. Запасные рожки в разгрузках на груди. Разве что только каски-сферы еще не одеты на забубенные головы.

Сейчас они похожи на каких-то военных роботов, которые не задумываясь и не рассуждая выполняют любой приказ вышестоящего командования. Но это совсем не так. Они такие же, как и все. Обычные советские люди. Живут той же жизнью. И каждый тысячами нитей связан со страной, народом и Москвой.

И они так же, как и все, думают о предстоящем.

И все понимают. От этого на душе у них тоскливо и пусто. И разговор от этих невеселых дум не клеится.

– Слушай, – неожиданно говорит Анатолию сидящий рядом с ним на скамье Степан Михайлович, – там же тоже есть наши ребята. Ну, то есть в Белом доме. У Ельцина. У меня знакомый из пятого управления к ним ушел. Я ему позвоню схожу. Ты, если что, меня прикрой. Ну, и позови.

– Угу! – коротко отвечает капитан. – И молча смотрит вслед уходящему тяжелой походкой товарищу. А потом оглядывает хмурые ряды славянских лиц. Оглядывает и неожиданно для самого себя этот потомок уральских казаков, никогда даже не задумывавшийся о Боге и вере, начинает потихонечку нашептывать про себя неизвестно откуда появившиеся слова: «Господи! Пронеси мимо нас чашу сию! Не дай нам пролить невинной крови! Не оставь нас, Господи! Помоги!»

Через пять минут возвращается сосед.

– Ну, что? Как там? – раздаются со всех сторон вопросы.

– Ждут! Они там тоже ждут штурма. Готовятся...

IV

Дубравин заправляет в факсимильный аппарат последнее сообщение о вылете некоторых членов ГКЧП в Крым. К Горбачеву.

Долго смотрит, как, жужжа и моргая зелено-красными огоньками, факс пропускает через себя бумажную ленту.

Еще день прошел в тревожном ожидании.

Редакционный народ уже разбрелся по домам. А он решил остаться на ночевку здесь. На этаже. Поэтому идет по длинному коридору в отдел местной корреспондентской сети. Ложится на продавленный черный диван. Сон не идет. Тревожные мысли, как молнии, пронзают его внутренний горизонт: «Что будет дальше? Как поведет себя армия? Удержится ли Ельцин в Белом доме?»

Он ворочается, ворочается, а потом решает сходить к ребятам в отдел политики. Может, есть еще какие новости. Ведь Леха Косулин, кажется, все-таки сумел пробраться в самолет «чекистов».

Встает, идет по длинному, полутемному коридору. Возле туалета натывается на Алексея Дунелина из отдела пропаганды. Леха – маленький, черный, въедливый бакинец сильно смахивает на азербайджанских гостей столицы. Хотя по паспорту числится русским.

– Ну что, Леха? Что слышно там? – спрашивает его Дубравин, не уточняя, где находится это «там». Ведь обоим и так понятно. Там – это у Белого дома.

– Да пока ничего не слышно. Танки, бронетехника бродят по городу. Куда идут? Никто ничего понять не может, – недовольно отвечает Алексей, нервно теребя в руках какой-то белый листок.

– А может, махнем туда? – неожиданно даже для самого себя предлагает Дубравин. – Чё тут сидеть? Все равно не спится, которая ночь в ожидании. А?

– Да, давай съездим, – также неожиданно отвечает Дунелин.

– Поехали!

Они выскальзывают из родного теплого редакционного подъезда на темную серую улицу. Шагают к Ленинградскому проспекту, на ходу отмечая про себя, что, несмотря на комендантский час, народ ходит по улицам свободно. Да и что такое комендантский час в девятиmillionном городе? Мыслимое ли дело – остановить жизнь такого мегаполиса одним распоряжением.

На площади у Белорусского вокзала стоит несколько машин. Юркий паренек в кожанке согласился за не слишком большие деньги добросить их на своем желтом «Москвиче-412» до самого места. Хлопнули по рукам. Потом уселись в темный салон. И рванули по улицам полуспящего, пустого города.

Людам, когда они читают книги или смотрят фильмы об исторических событиях, кажется, что в такие переломные моменты весь народ, вся страна только и заняты в массовках. Но это совсем не так. Абсолютное большинство людей ни в каких там революциях участия не принимает. Живут, как и жили. Едят, спят, пьют, рожают, любят, ненавидят. Так и в данном случае. На защиту Белого дома вышли тысячи, может быть даже десятки тысяч. А остальные миллионы миллионов тихо дремали. Или смотрели «Лебединое озеро». Но они тоже принимали участие в борьбе. Своим сочувствием, переживаниями, мыслями, эмоциями они подпитывали борцов. Давали им силы, веру и надежду. А это как раз то, в чем в эти тревожные дни и ночи нуждались тысячи, вышедшие к Белому дому.

Казалось бы, что такое Белый дом? Не более чем большое здание! Но в эти августовские дни оно стало символом. Свободы. Надежды людей на другую, какую-то новую жизнь. И символом сопротивления старому, отжившему и прогнившему. Так было!

– Стой! Куда прешь? Мать твою! – орет на них, когда «Москвич» подъезжает к баррикаде, стоящий рядом бородатый мужик в шапке-ушанке и с милицейским «демократизатором» в руках.

– Дай им по горбу! – подскакивает от костра взлохмаченный студент. – Наверняка, это подсланные.

Из темноты выдвигаются еще несколько вооруженных чем попало фигур.

– Да вы что, ребята! – примирительно говорит, открывая дверцу машины, Леха Дунелин. – Какие из нас подсланные? Какие-такие диверсанты? Мы свои! У нас с собою ничего нет. Вот поглядите! – он поднимает руки, хлопает себя по карманам.

– Мы журналисты! Из молодежной газеты, – примирительно добавляет Дубравин, сразу оценив нервную обстановку, в которую они попали.

– Вот мое удостоверение, – достает Леха красную книжечку, на лицевой стороне которой золотыми буквами оттиснуто название газеты.

Бородатый в шапке осторожно берет огромными руками ценную вещь и при свете фонарика долго вглядывается в фотографию, печать и подпись редактора.

– Ну ладно! – наконец примирительно бормочет он, возвращая ксиву.

Народ успокаивается.

Начинает капать дождик. Такой нудный, серый московский августовский дождь. От которого не спрятаться, не скрыться. Народ срочно натягивает какие-то плащики, капюшоны. В ход идут и куски прозрачной полиэтиленовой пленки. Из них делают колпаки и накидки.

От этой маскировки все становятся похожими на белых призраков, выбравшихся из своих укрытий, чтобы бродить в ночи.

Александр отмечает, что на ночь людей осталось намного меньше, чем было днем.

Среди народа начинается легкое шевеление. Из темноты выплывает сухонькая московская бабулька с эмалированным зеленым ведром, накрытым крышкой.

– Федосеевна пришла! – как старую знакомую радостно приветствует ее лохматый длинноволосый студент. – Молочка принесла?

– Пирожки, милые! С яйцами и капусткой! – открывая крышку, напевно произносит бабуся.

До Дубравина доносится запах свежее испеченных пирожков. И он, глотая слюну, вспоминает, что за весь день только и успел два раза попить чайку в буфете редколлегии. Но пока он раздумывает, баррикадный разношерстный народ уже налетает на ведро. Спасибо Лехе. Тот сразу ориентируется в обстановке. И успевает ухватить пару горячих, ароматных пирожков.

Они, обжигаясь, жуют их на ходу, продвигаясь к ближайшему костру, у которого жмутся, кучкуются защитники.

Огонь костра, сложенного из деревянных ящиков из-под овощей, неяркий. Доски уже почти сгорели. Но угли еще не остыли и под ветром фосфоресцируют, пульсируют, отдавая тепло стоящим и сидящим вокруг. Ближе всех к огоньку сидит на поваленной урне пожилой мужчина в военном зеленом бушлате и лыжной шапочке. По виду прямо профессор. Он помешивает угли костра металлической лыжной палкой и неторопливо гладко говорит.

В первом круге от костра: сопливый красноносый юноша, лихой казачок с нечесаной бороденкой и дамочка-институтка. Тут же крутится давно небритый мужичонка еврейского вида. Весь какой-то перекосяченый. Он то и дело, хромая и переваливаясь с боку на бок, отходит к баррикаде, чтобы притащить очередной овощной ящик.

Дубравин с Дунелиным подходят поближе к огоньку, чтобы согреться да заодно послушать уличного философа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.